

Последние станут первыми

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Арифуллина Елена

Елена Юрьевна Арифуллина

Последние станут первыми

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69496099

SelfPub; 2023

Аннотация

В провинциальном городке на юге России обычные люди внезапно теряют разум, а душевнобольные обретают сверхспособности. Психиатр Вера, как и немногие горожане, чудом сохраняет рассудок. Она стремится вырваться из города, чтобы спасти сына своего погибшего возлюбленного. Ей противостоят Шестеро: таинственные и всемогущие повелители города безумцев.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

87

Елена Ариффулина

Последние станут первыми

Беги отсюда и скажи потом:

Он спас меня в безумии своем.

(Шекспир, «Ромео и Джульетта»)

Большую часть жизни я провела в сумасшедшем доме. Там бы мне и остаться... Да, конечно, я открывала трёхгранкой дверь с надписью «служебный вход» и захлопывала её за собой, выходя в мир обычных людей. Но чем дальше, тем больше хочется вернуться туда, в старое трёхэтажное здание на окраине далёкого города, и остаться там надолго – может быть, навсегда. Я даже место заранее облюбовала: женское отделение, девятая палата, койка в правом углу, у окна. Оттуда видно клумбы во дворе – за ними ухаживают упорядоченные больные. А прямо под окном растёт огромный старый ясень. Осенью он весь золотой. И сейчас, наверно, растёт – если его ещё не спилили. А, может, попаду в палату для своих: двухместную, с красной ковровой дорожкой. Если она ещё не занята. Если меня ещё помнят.

Андрей погиб два года назад. Я не была на похоронах, не видела его мёртвым. Может, это и к лучшему. Он остался для меня живым: с маленьким шрамом на правой бро-

ви, серо-зелёными глазами, привычкой закусывать нижнюю губу, когда задумывается. С внезапно возникающим тиком на правой щеке: последствия контузии, полученной, когда его группа попала в засаду где-то в горах. Где – я так и не узнала. Он служил в спецназе и о подробностях службы не распространялся. Просто исчезал куда-то и появлялся вновь, похудевший и осунувшийся. Между этими исчезновениями успевал слетать к матери и сыну Димке. А остальное время проводил со мной, и ради этого времени я и жила. Копила отгулы, брала часть отпуска, благо он у психиатров большой.

– Слушай, давай перебирайся к моим, на юг. Надоело мотаться туда-сюда через полстраны, – сказал он однажды ночью.

– А работа?

– Поищу. Давай спать, ты же после дежурства.

Работа нашлась только в поликлинике, в маленьком городке, недалеко от которого в деревне жила мать Андрея с Димкой.

Андрей собирал документы на увольнение, мы строили планы, как поженемся, заберём Димку от бабушки и заживём втроём. Предстояло ещё получить «боевые», выбить из Министерства обороны жильё...

Андрей не вернулся из командировки, и наш воздушный замок беззвучно рассыпался, растворился, растаял. Осталась грубая реальность: подвал, где я живу на птичьих правах – и конца этому не видно. Мы не успели пожениться, я была

и осталась Андрею никем. Пока он был жив, нас это не волновало. Мы любили друг друга как в последний раз – и он правда оказался последним.

Иногда кажется, что я умерла вместе с Андреем. Два года слились в одно сплошное тёмное пятно, и я с трудом вспоминаю, что же произошло за это время. Почти ничего. Живу, работаю, сплю, ем. Адекватно отвечаю на вопросы. Иногда замечаю, что пошел снег... Расцвели каштаны. В лужах появились сухие листья.

В наш подвал солнце почти не проникает. Сейчас это и к лучшему: на улице стоит июльское пекло. Зимой холодно и сыровато, зато коммуналка близка к нулю. Платим только за свет – по общему счетчику. И на работу ходить близко...

Чем ещё можно утешить себя, живя в подвале – и то из милости? Захочет администрация и выпрет нашу «Воронью слободку» отсюда в два счета. Травматолог Илья проговорился как-то, что в ответ на заявление о выплате «экстренных», зависших с позапрошлого года, ему намекнули, что из подвала можно и вылететь – «как врач, вы понимаете, что помещение непригодно для жилья». Ну да, прямым текстом намекнули. Либо помалкивай и делай встречные уступки – либо уматывай на съемную квартиру. А что, тоже вариант, вот только придется сидеть на одних бомж-пакетах.

Я приехала сюда к Андрею, и житьё в подвальной коммуналке было сугубо временным. Как известно, нет ничего более постоянного, чем временное. Что меня держит – здесь, в

этом городе – и вообще в жизни? Димка, только Димка. Всё, что осталось от Андрея. Единственное доказательство, что он был, жил на этом свете тридцать восемь лет, два месяца и семнадцать дней. Нельзя же считать таким доказательством каменный памятник с непохожим портретом. Я уже старше его, хотя родилась на полгода позже – день в день. Мы даже отметили вместе день рождения, мой – вперед, про запас. Он оказался последним. Больше я его не отмечала. Да и жила ли я эти два года? Не знаю.

Не нужно быть великим диагностом, чтобы поставить диагноз в моём случае. Я его и так знаю. Реактивная депрессия, затянувшееся течение. По–хорошему, давно пора лечь в стационар, а после выписки продолжать пить антидепрессанты – курсами, под контролем врача. Психотерапия, режим труда и отдыха. Курорты. Любовника завести – в рамках курса физиотерапии и чтобы отвлечься. Спорт, хобби – ну, из бисера плести, крестиком вышивать, открытки делать.

Вместо этого я живу в подвале, работаю на износ, в отпуске подрабатываю. И какой динамики можно ожидать? Убивать надо таких пациентов. Может, в этот отпуск поехать домой, на север? Полежать у Тамары в отделении неврозов – она хороший врач, дотошный и внимательный.

Понятно, что никуда я не поеду. В отпуске опять буду подменять Михалыча в доме-интернате. Димка вырос из всего прошлогоднего и до школы вырастет ещё, а пенсию за Андрея Наталья Николаевна одержимо копит. Что ж, может,

она и права, Димке ещё учиться.

Сегодня у меня профдень. Активы. Попросту говоря, посещение на дому неходячих инвалидов для переосвидетельствования. А значит, можно встать попозже. Пойти прогулочным шагом, разглядывая прохожих. И рядом со мной, невидимый для них, пойдёт высокий человек с обманчиво расслабленными движениями и пружинящей походкой. Нам всё было хорошо вдвоём: засыпать и просыпаться, говорить и молчать. Вот и помолчим. А поговорим потом – во сне. Лишь бы он мне приснился.

Летний день, узор теней на асфальте, плетущиеся по заборам частных домов розы – каким чудом они были для меня после переезда. Я ходила по городу пьяная от счастья, радуясь всему окружающему. Пока главврач не выделил мне комнату в подвальной «Вороньей слободке», мы с Андреем жили на съёмной квартире. До сих пор трудно проходить мимо того дома, смотреть на окно, видимое с улицы – второе сверху, третье слева. Хорошо, что поблизости никто из моих больных не живёт.

Розы всё так же цветут на клумбах и заборах, сияет летний день, воздушный змей порхает на ветру, мальчишка деловито поджигает дорожку тополиного пуха... Жизнь идет своим чередом – мимо меня, без меня, а я будто смотрю на неё сквозь толстенное, густо запыленное стекло. Оно съедает краски и глушит звуки, но мне всё равно. Андрей здесь, со мной, по эту сторону стекла, и мне все равно, что делает-

ся с другой стороны. По необходимости я выбираюсь туда, наружу: к Димке или к больным – словно лазутчик из осажденной крепости, через потайную дверь в городской стене. Никто не замечает, что я тороплюсь обратно в свой мир, где Андрей жив и скоро вернется. Ведь он всегда возвращался ко мне, что бы ни случилось.

Если у больного хоть частично сохраняется критика, – вот как у меня, к примеру —, прогноз более или менее благоприятен. Врачи тоже болеют: сваливаются с инфарктом кардиологи, цепляют всякую дрянь инфекционисты, поступают по неотложке с аппендицитом хирурги. Ну да, и психиатры тоже сходят с ума. Пусть я не Кандинский и не Клерамбо. Не назовут в мою честь синдрома, и черт с ним. Только очень уж больно жить, и время совсем не лечит.

На автобусной остановке пополнение. К трем старушкам, которые здесь сидят каждый день, продавая всякую всячину – зелень со своего огорода, герань и столетник в пластиковых ведерках из-под майонеза – прибавилась еще одна. Хрупкая, с аккуратно уложенными седыми букольками. На картонном ящике из-под яиц разложены связанные крючком кружевные воротнички, набор мельхиоровых ложек, горшок с розовой фиалкой и несколько книг. Бросились в глаза вписанные в овал на синем ледерине слова: «Рэй Брэдбери». Я механически прочла заглавие, но не сразу поняла, что же пытались донести до моего сознания полинявшие серебристые буквы.

Короткое предупреждение: «Что-то страшное грядет».

По спине холодными лапами пробежал озноб, на секунду показалось, что летний день померк, как перед грозой.

Старушка молча смотрела мимо меня – в пространство, и я почему-то почувствовала себя виноватой. Купить что-нибудь? Но впереди целый день беготни по городу, да и денег в обрез. Ладно, не последний раз я на этой остановке. И выживет ли фиалка в моем подвале?

Подошел почти пустой автобус, я устроилась у окна и закрыла глаза.

Мелькание света и тени от развесистых старых тополей, которыми была обсажена улица, ощущалось даже из-под закрытых век. Утреннее солнце еще не жгло, а ласково грело, ветер обдувал лицо. На минуту пришло ощущение мира и покоя – и тут в уши ввинтился оглушительный неразборчивый ор.

Это были гуси. Самые обыкновенные гуси табунком бежали впереди автобуса. Кто-то забыл запереть ворота, и вожак вывел стаю пастись на зеленой траве. Они явно не успели перейти улицу и сейчас с паническим гоготом бежали вперед, хлопая крыльями. Улица шла под уклон, водитель никак не мог притормозить, и брнчащий всеми дверями старый автобус догонял орущих птиц.

Белые перья летели по ветру, одно залетело в окно и порхало в салоне автобуса, словно выпало из крыла ангела-хранителя.

нителя, вышедшего на предыдущей остановке.

Вожак остановился, грозно зашипел, распахнул крылья и вытянул шею. Он прикрывал бегство остальных, как положено вожаку, и не собирался отступать.

Шофер наконец затормозил. Вожак с достоинством удалился вслед за стаей, которая дисциплинированно ждала его на обочине.

– Вот же тварь безмозглая! – зло рявкнул шофер.

– Точно, безмозглая, – ответил пожилой мужик с ведром помидоров. – Это Зины Востриковой гуси. Зинка без царя в голове, вечно у неё всё нараспашку. А про гусей ты зря, гусь птица умная...

Водитель что-то буркнул в ответ.

От больницы до центра – пять остановок. Выйдя на Комсомольской, я свернула в крохотный сквер, чтобы срезать угол, и попала в царство мамаш с детворой. Малышня деловито роилась на детской площадке, матери болтали между собой, зорко поглядывая на пестрые стайки детей.

Вид чужого беззаботного счастья причинял такую боль, какой я не ожидала.

Активы я начала трусливо – с самых лёгких. И ещё более трусливо оправдывала себя тем, что эти адреса ближе, да и больные не мои – хирурга и невропатолога. Сама я знала, что это не вся правда, и привычно презирала себя за это.

С Антоном Гальпериным я познакомилась год назад, по

объявлению в интернете. Десять лет из своих шестнадцати он провел в инвалидной коляске, но не устаивал это замечать. Он жил полной жизнью: учился, строил планы на будущее и работал. В реконструкторских кругах Антон был известен под ником Вёлунд. Нет, мечей он не ковал, но кольчуги делал отменные. Последним его творением был великолепный хауберк, счастливый обладатель которого прорекламировал своего оружейника так, что после фестиваля клиенты повалили валом. Мне повезло: успела втиснуться перед ними, и сейчас Вёлунд работал на меня – вернее, на Димку. Моей стратегической целью было их познакомить. Любой мальчишка нуждается в мужчине, с которого можно «делать жизнь». А Антон, несмотря на увечье и неполные шестнадцать лет, был настоящим мужчиной. Димка обожал отца – боевого офицера с орденами и нашивками за ранения, гордился и восхищался им. После его смерти замкнулся, нехотя принимал суетливую заботу бабушки и неожиданно потянулся ко мне – наверное, потому, что на мне лежал ответ Андрея.

Я исподволь пыталась занять его то тем, то другим, пока не нащупала правильный путь, подсунув ему Толкиена. Димка ушел от своего горя в мир битвы за Кольцо Всевластия, и я надеялась, что он вынесет из книги нечто большее, чем квест.

Незадолго до смерти отца Димке исполнилось девять лет. Тогда он был настоящим Томом Сойером – неугомным

фантазером, постоянно играющим во что угодно. Был у него и свой Гек Финн – сосед Лешка. Одноклассник, сын безобидной пьянчужки Насти, он тянулся к Димке, потому, что тот жил в другом мире, где были книги, горячие пирожки и нечто невероятное – отец. И к тому же не деревенский безработный пропойца, а офицер, спецназовец, почти супермен...

Сейчас они оба безотцовщина. Но расстановку ролей в паре это не изменило. Димка по-прежнему остался ведущим – может, потому, что сиротство его не сломило. Да, он несёт Кольцо в Лотлориэн и сражается в великой битве у стен Минас-Тирита, но учится лучше всех в классе, подтягивается пятнадцать раз и делает ощутимые успехи в английском. Они с Антоном наверняка понравятся друг другу...

– Да! – ответил искаженный голос из домофона.

– Антон, это я.

– Ага, Верпетровна, заходите.

Коляска, на которой разъезжал Антон, была самой дорогой вещью в доме. Годами работавшая на массажистов и хиропрактиков мать Антона смирилась с ситуацией несколько лет назад. Но Антон растёт, и скоро понадобится следующая коляска. На неё он и зарабатывал, как проговорился однажды.

Эта пара, Антон и его мать, вызывала у меня беспомощное восхищение. Здесь не было разлитой в воздухе безнадежности, как во многих других домах, где есть инвалиды. Эти двое не несли свой крест – просто жили.

– Как дела, Антон?

– Нормально, Верпетровна, работаю. Через неделю будет готова. Хотите, покажу?

– Конечно!

Кольчуга выглядела пленительно настоящей. Впечатление не портила даже старая Димкина футболка, позаимствованная мной на образец. Поправка на вырост и на стеганный поддоспешник – и его пора заказывать! – делала её пригодной не столько для невысоклика Фродо, сколько, пожалуй, для Леголаса. И для Айвенго, Роланда, Сигурда...

– Ну, как?

– Здорово, слов нет! Хоть на «Мосфильм» устраивайся реквизитором.

– Я об этом думал. Хотите, фотки покажу?

Я согласилась, малодушно оттягивая время. Не горит, если к кому-то сегодня не успею, посмотрю потом. Здесь я грелась, набираясь сил жить дальше. Спокойное мужество Антона напоминало об Андрее.

Антон налил мне чаю из термоса, пододвинул вазочку с печеньем и включил ноутбук.

– Вот эта – на заставку сайта.

Здоровенный белообрый детина в хауберке работы Антона смотрелся великолепно. Боевой топор занесен над головой, рот раскрыт в беззвучном крике – воплощение ярости.

– Что же они разыгрывали?

– Битву при Гастингсе. Дэн был Гиртом Годвинсоном.

– Так его же убили.

– А Дэну какая разница?

Мне стало неловко. Антон посматривал на инструменты и аккуратно сложенные заготовки для колец. Я нарушаю его планы, но хорошее воспитание не позволяет ему это сказать – как-никак, я в матери ему гожусь.

Если бы я была способна иметь ребенка, то хотела бы, чтобы он походил на Антона. Андрей всё знал, но ему было безразлично, могу я родить, или нет. Димка у него уже был.

– Не бери в голову. Поженимся, будем жить вместе постоянно – наверняка забеременеешь. Так часто бывает.

– Ты-то откуда знаешь?

Он только пожал плечами.

Воспоминание было таким болезненным, что захотелось уйти, отвлечься на что-нибудь. Я поспешно допила чай и поднялась со стула.

– Ну, Антон, я пойду. Маме скажи, что бумажки заполню.

– Хорошо, Верпетровна, спасибо.

Спускаясь со второго этажа, я думала, что «бумажки» – слишком пышное наименование для одной строчки в направлении на МСЭК: «без психических расстройств». Написать «психически здоров» нельзя, поскольку определения психического здоровья нет. Душевные болезни описаны в МКБ-10 – толстенный том. А душевное здоровье не описывается, хотя вот его живой пример – Антон Гальперин, инвалид-колясочник без малейшей надежды встать на ноги.

Кольчуга будет готова через неделю, пусть через две. До Димкиного дня рождения остаётся хороший запас. В прошлом году я подарила ему арбалет, и счастьем его не было предела. Они с Лешкой дотемна пропадали в лесу, стреляя по самодельным мишеням. А потом на пару вкалывали на соседских огородах, чтобы купить второй арбалет – для Лешки. Денег хватило только на детали для сборки, но самоделка мало чем уступала Димкиному «Скауту».

Кольчугу им самим не сделать, но простой кожаный доспех с коваными накладками, – почему бы и нет? А там и с Антоном познакомятся...

Мысли о Димке были спасением от воспоминаний, более живых и ярких, чем окружающая жизнь. Проваливаясь в них, я ощущала, что живу там, в прошлом, пережитом вместе с Андреем, а не сейчас.

Как всё это началось? С дежурства, обычного дежурства в приемном покое. Юра-санитар открыл дверь, в которую позвонили снаружи, и не возвращался слишком долго. А когда вернулся, имел совершенно ошеломленный вид – хотя чему можно удивляться, отработав десять лет в психбольнице?

За Юрой вошла странная троица: двое крепких мужчин вели, почти несли третьего, маленького и тощего. Он был связан по рукам и ногам – так, что мог перемещаться только крохотными шажками. Во рту у него торчала вязаная шапочка, а лицо было залито слезами так, что я еле его узнала.

Это был мой больной. Лёню, тихого шизофреника, я выписала месяц назад в удовлетворительном состоянии на попечение матери и участкового психиатра. Что произошло?

На опущенной руке Юры были выставлены два пальца. Это означало: «Набираем 02?» Я качнула головой. Попробуем сами.

– Лёничка, солнышко, – заворковала я, – что с тобой? Давай шапку вытащим, ладно?

Лёня усиленно закивал, и Юра вытащил обслюнявленную шапку.

– Спасите, доктор, – прохрипел Лёня, – они меня убьют.

– Кто?

– Антейцы! – выдохнул Лёня и заплакал.

Антейцы, гуманоиды с Альфы Кита-V травили и преследовали Лёню двенадцать лет, доведя до второй группы инвалидности. Но последнее обострение было купировано совсем недавно. Я подобрала удачную комбинацию нейролептиков, Лёня быстро вышел из психоза, включался в труд, говоря суконным языком эпикризисов. Почему вся моя работа пошла псу под хвост? В Лениных глазах плескалось то же отчаяние, с которым он раз за разом попадал в стационар.

– Мы тебя не отдадим! – твердо сказала я. – Двери у нас крепкие, на окнах решётки – мышшь не проскочит. Пойдем в отделение, Лёня? Спрячем тебя, отсидишься, а там видно будет.

– Пойдем-пойдем, – подключился Юра. – И койка твоя в

четвертой палате свободна. Ну, пошли скорее.

Леня вцепился в его руку, словно утопающий в спасательный круг. Когда за ними захлопнулась дверь, я обратилась к молчаливым сопровождающим:

– А теперь расскажите, пожалуйста, что произошло. Вы кем ему приходитесь?

– Брат он мне, – зло сказал тот, что был справа, – вернулся из командировки, а тут дома такое творится... Матушку какая-то церковь распропагандировала – «Храм Сиона», что ли. Лекарства, мол, принимать не надо, это всё яд, химия. Они, мол, будут за него молиться на собраниях, и всё будет хорошо. Чем они ей голову задурили, не знаю, но она как зомби стала. Что ей не говори, твердит одно и то же: отец Джозеф сказал то, отец Джозеф сказал сё...

– Никаких документов она не подписывала?

– Не разобрался ещё, не до того было. Лёне она таблетки не давала, это точно. Мы вот с Андреем позавчера приехали, а он совсем никакой. Вечером чуть с балкона не прыгнул, вовремя уследили. Повязали его вдвоём и сюда.

– Дома Лёня что делал?

– В шкафу прятался. Сидит, зажимает уши руками и бормочет. Потом стал стонать – всё громче и громче. Ну, и рванул на балкон...

Меня захлестнули жалость и злость. Бедняга Лёня, столько времени проживший в смертном страхе. И эта старая дурьнда... Ой, не суди строго, одернула я себя. Годами жить

рядом с душевнобольным – тяжкий крест, и не всякая психика это выдержит. Что за «Храм Сиона»? Чем они там работали старуху? Натравлю на них Киру Андреевну, полетят клочки по закоулочкам...

– Понятно. Участковому психиатру информацию я доведу. А вы скажите матери, чтобы пришла к ней на приём. В четверг Кира Андреевна принимает до шести.

– А вы когда сменяетесь? – неожиданно спросил тот, кого звали Андреем.

– Завтра в два, – автоматически ответила я. Тут в дверь позвонили, и мне стало не до них – и не до того, чтобы обдумывать, почему были сказаны эти слова.

Андрей ждал меня на остановке, и до ближайшего автобуса мы успели поговорить – немного, но о многом. Три дня он встречал меня с работы, а на четвертый проводил на работу – после ночи, которую мы провели не сомкнув глаз и не отрываясь друг от друга. Потом перевёз ко мне вещи: спортивную сумку и небольшой чемодан. И началась жизнь, которой мы планировали жить всегда. А прожили чуть больше двух лет – лучших в моей жизни.

– Это всё Толик. Заладил: айда к нам, с та-а-акой девушкой познакомлю... Ну, вернулись из командировки и полетели. Тут у Лёни крыша съехала. А дальше ты знаешь.

– И что?

– Толик звонил вчера. Говорит: ну что, знакомиться бу-

дешь? Спасибо, говорю, ты уже познакомил.

– Не жалеешь?

– Сама же знаешь. Лучше иди сюда...

«Оперу всюду мерещится киллер, киллер во всяком видит мишень...» Каждый видит своё. Я вижу своих больных, автоматически оцениваю их состояние и прикидываю, чего от них можно ожидать. Меня зачастую не видят, а увидев, не здороваются. Это в порядке вещей. В хорошие дни словно обостряются зрение и слух, а голова работает куда четче и быстрее, оценивая, сопоставляя и взвешивая. В лучшие дни я становлюсь зеркалом. Наблюдая и слыша, утрачиваю ощущение себя, и тогда понимание ситуации возникает мгновенно. Я не успеваю отследить, откуда оно берётся, но оно никогда не обманывает.

Сейчас всё говорило: что-то не так! Костя Садовничий был на приёме неделю назад, и ничего не предвещало, что он опять наденет кропотливо сделанные из фольги ордена. Что за черт?

Люди привычно обходили Костю, а он шел, поблескивая созвездием наград, о которых не смел мечтать ни один король в мире – император Рамфоринх XV, Лев Галактики, Повелитель Туманности, Верховный Главнокомандующий Космического флота объединенных Вооруженных Сил систем Альфы Лебеда и Дельты Кита... Вроде бы так, надо освежить в памяти. Хотя Костя в маниакальной фазе был ко

мне милостив и благосклонно соглашался на сокращенное титулование «Ваше Всемогущество».

Два месяца после стационара. Вымуштрованная мной Костина мать скрупулезно контролирует приём препаратов. На приеме Костя был вполне адекватен, рассказал, что ищет работу курьера, и его уже пообещали взять на испытательный срок. А сейчас он шествует по улице, бликуя орденами, и излучает спокойное величие – он-то, Костя Садовничий, когда-то учитель физики и астрономии, нещадно травимый собственными учениками, затюканный властной матерью, давным-давно инвалид без переосвидетельствования. Нет сомнения, что сейчас Костя абсолютно счастлив – счастливее многих людей вокруг, и уж, конечно, счастливее меня. Так стоит ли его лечить, в конце концов?

Я выбросила из головы крамольную мысль, сделала заметку на память: позвонить Костиной матери – и влезла в автобус.

Мне удалось занять свободное сиденье, но по проходу задела шустрая бабулька в белом платочке, обшитом полоской дешевого кружева. Проклятое воспитание сделало своё дело. Я уступила бабке место, та благодарно улыбнулась всеми морщинками, устроилась поудобнее и стала декламировать хорошо поставленным голосом:

– Как не славить величие Бога, когда он в доброте своей нам дарует так много-много разных фруктов и овощей!

В голове мелькали обрывки мыслей: «Кто-то новенький – приезжая или первичная? Вроде не агрессивная...», слух фиксировал девичье хихиканье и раздраженный шепот: «Что ржете, может, сами ещё хуже будете...» Но увиденное сквозь грязное окно автобуса, заставило меня рвануть к выходу, расталкивая всех с дороги. К остановке подходил Стасик. Он был такой же, как всегда: слюнтяво улыбающийся, огромный, рыхлый, в неизменной футболке со Спайдермэн-ом и красной бейсболке, надетой козырьком назад. Вот только в руке у него был молоток – тяжелый кухонный молоток для отбивки мяса. Стасик похлопывал им по ладони, гугукал себе под нос и озирался – нехорошо как-то озирался.

– Куда прёшь? Совсем охренела?

– Изливает Господь щедроты на картошку, капусту и лук...

Всё это я услышала, уже выскакивая из автобуса.

До сих пор Стасик за свои тридцать лет не обидел и мухи. Но мать и бабушка никогда не оставляли его без присмотра. Он совершал ежедневный променад, похлопывая себя по руке погремешкой, а сзади семенила бабушка – её, не доставшую внуку до плеча, Стасик слушался мгновенно. Её номер я сейчас и набирала, лихорадочно соображая, как взять ситуацию под контроль.

– Где он?! – закричал мне в ухо далёкий голос.

– На остановке у пятой школы. Я здесь, попробую что-нибудь сделать.

– Бегу, бегу!

Больше всего меня волновал молоток. Стасик был сам на себя не похож и ожидать можно было чего угодно. Среди торговых павильонов на остановке я увидела один с яркой вывеской «Бонифаций» и бросилась туда, прячась от Стасика за прохожими. Только бы там были игрушки! Шаря взглядом по полкам с яркими вещичками, я почти закричала:

– Погремушки есть?

Продавщица с округлившимися глазами молча показала на проволочную корзину, полную разноцветных погремушек. Лихорадочно роясь в них, выбирая подходящую, с длинной рукояткой, я через витрину наблюдала за Стасиком. Он топтался на остановке, поглядывал на подходящие автобусы, выбирая нужный по известным только ему признакам. Это его любимое развлечение – кататься на общественном транспорте... Давно работающие водители знают его в лицо, а новички понимают, что человек с погремушкой – явный инвалид, и денег не требуют.

Я успела. Стасик как раз дернулся к подошедшему автобусу, когда я загородила ему дорогу, протягивая ярко-красную погремушку величиной с яблоко.

– На!

Стасик меня не узнал. Он вообще узнавал только мать и бабушку. Но погремушка маняще блестела под летним солнцем. Я трянула её, и Стасик восторженно замычал. Выронив молоток, он схватил погремушку и с упоением застучал

ей по левой руке – высохшей от рождения, сведенной вечной судорогой.

Я перевела дыхание. Но тут подошел тот самый автобус, которого дожидался Стасик, и он косолапо полез на ступеньки с погремушкой наперевес. Оставалось только последовать за ним – тем более, что Стасик мгновенно обо мне забыл. Не выпуская его из вида, я опять набрала бабушку:

– Он в десятом автобусе, едет по Горсоветской.

– Ой, спасибо, сейчас добегу до остановки, перехвачу его.

Шоу продолжалось. Стасик прошелся по салону, деловито постукивая погремушкой по сиденьям, и остановился, увидев в середине автобуса высокого полковника в повседневной форме.

Полковник посерел под фуражкой, когда Стасик остановился перед ним, гримасничая и гыгыкая от восторга – Стасик уважал тех, кто не уступал ему в габаритах. Сейчас он впал в такой экстаз, что стал кивать, кланяться и пытаться козырять – по словам матери, он обожал смотреть по телевизору парады. Он стукнул погремушкой по груди полковника, по левому погону... Автобус затормозил у остановки, и в салон бурей ворвалась бабушка Стасика.

– Ста-а-ас! Домой! Сейчас же!

Она вцепилась в Стасика и поволокла его за собой, как муравей гусеницу, успев благодарно кивнуть мне – мол, после поговорим. Полковник сглотнул слюну, снял фуражку и вытер вспотевший лоб. А я рухнула на свободное сиденье и

вдруг поняла, что всё это время не думала об Андрее.

Словно желая наверстать упущенное, тоска набросилась на меня с новой силой, но была какой-то другой, незнакомой. Она грызла меня, как оголодавший по зиме волк – но вместе с тем я задыхалась от злобы на весь мир, который невзначай подарил мне счастье и так же случайно отнял его навсегда.

Остатки здравого смысла напоминали, что я просто больна, и надо лечиться. Но злоба была куда сильнее. Я задыхалась от ненависти ко всему окружающему. В голове всплыли слова:

– Я жить устал, я жизнью этой сыт

И зол на то, что свет ещё стоит!

Макбету после этих слов оставалось совсем немного сражаться и произносить чеканные строки. А у меня есть Димка, который почему-то любит меня, хоть я ему не мать и вообще никто. Даже не мачеха – не успела ей стать. А любит он меня, наверно, из-за того же, из-за чего люблю его я: память об Андрее тянет нас друг к другу. Надо жить дальше...

Я не зря начала активы с Антона. Заряд душевной силы и бодрости, полученный от него, поможет мне дальше. Самое трудное в работе врача – ощущать собственное бессилие перед чужой болью и беспомощностью. А сегодня будет ещё много возможностей его почувствовать – вот хоть прямо сейчас.

– Здравствуйте, доктор.

Баба Зоя, Зоя Ивановна, лучилась тихой улыбкой. Пред-

ставляет ли она дальнейшую судьбу своего внука? Её дочь пятый год вкалывала в Падуе, помогая по хозяйству старушке, которая была лет на десять моложе бабы Зои. А она достаточно молода и сильна, чтобы ухаживать за неходячим внуком. Зоя Ивановна была тем волоском, на котором держался весь этот дом, чистый и ухоженный, и жизнь Вали Дегтяренко. И волосок этот был из дамасской стали.

– Вы проходите, а я пока чаю сделаю.

Она не слышала моих отговорок, и на столе, рядом с файликом, где лежало направление на МСЭК, уже появились конфеты, вазочка с вареньем, что-то ещё...

– Валя, к тебе можно?

– Да, конечно. Здравствуйте.

Несовершенный остеогенез давно остановил Валию в росте, сковал анкилозами суставы. «Хрустальный мальчик», как называют таких больных. Жить он может только здесь, на кровати с противопролежневым матрасом, в окружении огромных подушек. Весь его мир – эта комната, да ноутбук – дверь в другую реальность, где Валя настоящий. Сильный, смелый, непобедимый. Есть множество поводов для ухода в мир сетевых он-лайн игр, но Валин повод, пожалуй, самый уважительный. Там он рубится на мечах, пилотирует звездолёты и ходит в танковые атаки. А здесь кот, прыгнувший за мухой, нечаянно сломал ему плечевую кость.

Кота отдали знакомым. Кость срасталась очень долго. И Валя остался вдвоём с бабой Зоей, в этих четырёх стенах – и

на продуваемом всеми ветрами просторе виртуальной жизни.

У Антона есть дело. А чем заняться подростку, который с трудом работает на клавиатуре, потому что пальцы повинуются всё хуже и хуже? Ложку он удержать ещё может – пока. А потом? Бабе Зое за семьдесят, мать далеко...

Всё это мелькало у меня в голове, пока я тщательно мыла руки, переобувалась и входила в комнату – настолько чистую, что она казалась хорошо обставленной.

Валя вежливо отвечал на вопросы, рассказывал про учебу, но явно тяготился моим присутствием, поглядывая время от времени на закрытый ноутбук.

– А о работе не думал, Валя?

– Я зарабатываю – немного, правда. Силу продаю, артефакты разные.

– Ну, ты даёшь! Молодец! Послушай, а если попробовать самому игры писать – ну, сценарии? В этом ты собаку съел, знаешь, во что сейчас народ играет.

В серых глазах загорелся огонек интереса.

– Вы думаете, получится?

– Помнишь, как Наполеон говорил? «Главное – ввязаться в бой, а там видно будет».

Валя неожиданно искренне рассмеялся.

– Можно попробовать.

– О процентах после переговоров.

– Каких процентах?

– За идею. Десять процентов меня устроят, а твои встречные предложения после первого сценария. Да, и обязательно диск с первой игрой – с твоим автографом. Потом хвастаться буду. Или продам его лет через двадцать с аукциона за кругленькую сумму. Идёт?

– Ну, вы даёте!

– А то! – сказала я с достоинством.

В направлении на МСЭК появилась запись: «Без психических расстройств». Баба Зоя проводила меня словами: «Дай вам бог здоровья». И я отправилась дальше, размышляя о том, что Вале было бы куда легче быть умственно отсталым, не понимать, что ждёт его впереди – а он не может об этом не думать, умный парень. Ай- кью сто тридцать баллов, пишет психолог. Проще всего уйти в виртуальную жизнь, но грех не использовать то, что у тебя есть – до последнего дыхания.

Умные люди советуют «съесть лягушку» на первое. Я так не сделала и в результате предвкушаю это удовольствие уже пару часов. Хватит, малодушие ещё никому не пошло на пользу...

Я обогнула пятиэтажку из красного кирпича и вошла во двор. Третий подъезд, восемь ступенек вниз – и направо. Дешевая металлическая дверь, выкрашенная половой краской. Я позвонила.

– Кто? – послышалось из-за двери.

– Из поликлиники, осмотр для перекомиссии.

Высокая женщина в фартуке открыла дверь и посторонилась, давая мне пройти.

– Вы ведь к Марку?

– Здравствуйте. Да. Где можно руки помыть?

– Вот сюда, пожалуйста.

Вытирая руки стареньким, но чистым полотенцем, я молча недоумевала. Других инвалидов в семье нет, так о чем спрашивать?

Идя вслед за хозяйкой по вытоптанной ковровой дорожке, я привычно обращалась в зрение и слух. Что-то не так. Последний раз такого не было... Она светится от нескрываемой радости.

Хозяйка постучала в обшарпанную дверь и спросила:

– Марик, к тебе можно?

Выдержала крошечную паузу и продолжила:

– Тут по делу пришли, из поликлиники. Ты не занят?

Ещё пауза, достаточная для короткого ответа, и она открыла передо мной дверь в небольшую комнату, чем-то похожую на мою собственную – наверно, все полуподвалы похожи один на другой. Но здесь стена от пола до потолка оклеена постерами с Гарри Поттером во всех видах – ещё кое-что новенькое. А вот и Дэниел Рэдклифф собственной персоной, белозубо улыбающийся на фоне цветущей живой изгороди и голубого неба – старая добрая Англия...

– О, вы ремонт сделали.

– Да, Марик попросил. Гарри Поттер – его кумир. Марик

прочел все книги, а сейчас учит английский, чтобы читать их в оригинале – перевод такой плохой, вы знаете. Он хочет вступить в фан-клуб этого актера, я забыла...

– Рэдклиффа.

Каждое её слово отдавалось в голове тревожным набатом. Держи себя в руках, контролируй мимику и интонации. Доброжелательная заинтересованность, сопереживание... Дыхание ровное, уголки губ чуть приподняты, тембр голоса ниже...

– Да-да, конечно! Марик будет с ним переписываться, он отвечает на письма. Только Марик ещё не выбрал, в какой клуб вступить, их много, а он такой общительный... Он так восхищается Рэдклиффом: мальчик всего добился сам, вы знаете, начал сниматься в десять лет, а сейчас уже миллионер и знаменит на весь мир. Марик хочет быть таким же. Вот увидите, он всего добьется.

На подоконнике лежала обложкой вверх раскрытая книга – «Гарри Поттер и философский камень». Хозяйка перехватила мой взгляд.

– Я иногда читаю Марику вслух, когда у него глаза устают. Вот сейчас тоже...

– Добрый день, Марк! – сказала я, подходя к кровати.

Марк был всё такой же: огромная голова с непропорционально большим мозговым черепом, крохотное личико, глядящие в пространство глаза. За свои почти шестнадцать лет он не произнес ни одного осмысленного не то что слова –

звука. Не сделал ни одного шага, не поднес ложки ко рту. Памперсы появились не так давно, да и стоят они порядочно. У Марка нет братьев и сестер, потому что мать не может его оставить больше, чем на полчаса. После декретного отпуска она не проработала ни одного дня – и никогда не отдыхала. Все её время поглощает Марк. А уход за таким больным – пожизненная каторга.

Я окликнула Марка по имени, повертела перед его лицом плюшевой собачкой, которая уютно устроилась рядом с подушкой. Никакой реакции. Взгляд темных глаз всё так же устремлен в потолок, а взгляд хозяйки фиксирует каждое мое движение.

– У вас были погремушки, можно мне одну? – обратилась я к ней, всей кожей ощущая нарастающее напряжение.

– Я все выбросила, вот только собачку оставила, на память. Марик вырос из этого, он большой мальчик. Ему уже не игрушки нужны, а девушки. Вы знаете, так хочется внуков! Люблю возиться с малышами, а Марик уже взрослый...

Она смущенно хихикнула, а мне стало страшно. Отрицание очевидного, уход от реальности – тяжелая симптоматика... Но для начала выбраться отсюда.

– Мне пора. Все нужные документы я заполню, через неделю можно будет забрать – вам или мужу.

– Вы знаете, он так хотел с вами увидеться! Но не получилось – дежурство на РЛС.

– Комиссия примерно через месяц.

Она впервые смотрела мне в глаза, и этот взгляд походил на клинок, приставленный к моему горлу.

– Мы решили отказаться от инвалидности. Это унижительно, в конце концов. И так все в глаза улыбаются, а за спиной шепчутся: вот у этой сын – инвалид! Все смеются, все издеваются – все, все! Ну ничего, они ещё увидят... Так что мы откажемся. Деньги смешные, а потом Марику будет трудно найти хорошую работу. У него такие планы, вы знаете!

– Да, деньги смешные, к сожалению. Отказаться можно всегда, это ваше право. До свидания, Марк.

– Я сейчас приду, сыночка.

Мы шли к выходу, и в мои уши потоком лилась её всё ускоряющаяся речь:

– Ничего, скоро, совсем скоро всё изменится, вы знаете, в Евангелии об этом написано, скоро последние станут первыми...

Она метнулась в дверь кухни, схватила со стола раскрытую зачитанную книгу с крестом на обложке и сунула её мне чуть не в лицо.

– Видите? Вот!

Палец с коротко подстриженным ногтем отчеркнул фразу, которую я не успела прочесть.

– Видите? Это истина, так всё и будет!

– Да, Евангелие – мудрая книга. До свидания.

Дверь захлопнулась у меня за спиной, и я бросилась к выходу, словно спасаясь от погони.

Ещё будет время обдумать и решить, что делать. Несчастливая женщина не выдержала горя и безысходности, но пока не представляет угрозы для себя или окружающих — просто выстроила себе мир, где сын здоров и успешен. В амбулаторной карте Марка забиты телефоны: её и мужа. Надо будет связаться с ним.

На одном из окон в цокольном этаже шевельнулась занавеска.

Асфальт во дворе был разрисован. Кто-то дорвался до цветных мелков и явно предпочитал всем остальным цветам розовый — того оттенка, который называют поросячьим. Огромный цветок, похожий на подсолнух, домик с кудрявым дымом из трубы, кит... А это что такое?

Огромный крокодил, как на картинках в книжке Чуковского. Пасть разинута до отказа. Только солнца в этой пасти нет. Вместо него там люди: множество фигурок, нарисованных по принципу «ручки-ножки-огуречик». Несколько человечков вывалились оттуда, но сверху сыплются и сыплются в разверстую пасть другие. Кажется, что они должны испугаться, сжаться в комок, зажмуриться, отвернуть криво нарисованные лица. Нет, так и летят, вытаращив невидящие глаза-точки...

Крокодил кончался сразу за передними лапами. Дальше было огромное пятно растёртого по асфальту розового мела. Челюсти, злобный маленький глаз, несколько острых щитков

на спине – и розовое облако.

Может, крокодил обожрался человечками и лопнул? Или у художника нашлись критики и завистники, которые стёрли рисунок?

Всё равно, странная фантазия у ребёнка. Не мог же взрослый нарисовать такое...

К остановке я тащилась так, будто на меня надели пудовые кандалы. Не могу больше, хватит на сегодня... После всех вводных, что подкинул сегодняшней день, сил на плановую работу не осталось. Не осмотрена только Даша Лядова – так съезжу к ней на будущей неделе с эндокринологом, та всегда умеет выбить машину, а Даша у неё на учете.

Попробую развлечься: доехать до рынка и поглазеть на продающееся тряпье. Может куплю себе что-нибудь для поднятия настроения, если уж не хватает смелости на настоящие антидепрессанты.

Задремав на сиденье, я проснулась от шума и криков. Две бабки, которые о чем-то говорили на повышенных тонах, пока я засыпала, теперь вцепились друг другу в волосы, осыпая одна другую визгливой бранью. Пассажиров активно обсуждали процесс, подначивая и хохоча. Несколько человек молчали с отсутствующим видом, явно тяготясь безобразием. А меня просто затошнило от всего этого: от растрепанных бабок, похожих на фурий, от зрителей, от комментаторов. Я выскочила на ближайшей остановке и пошла к рынку.

Со мной творилось что-то неладное. Всё вокруг бешено раздражало: оффотошопленная девица на рекламном плакате, занимающаяся оральным сексом с бутылкой кока-колы. Витрина киоска «Роспечати», полная газет с дурацкими заголовками: «Лопух вылечит от всех болезней!», «В лесопарке найден расчлененный труп фотомодели!», «Каннибал угостил собутыльников пельменями из человечины!», «Певица Элеонора вступила в законный брак с гамадрилом!». Омерзение комком подступило к горлу.

Нет, пора принимать меры. Это уже *taedium vitae*, тошнота от жизни. Хреновый прогноз. Завтра же созвонюсь с Тamarой.

На глаза попался уличный развальчик с книгами. Куплю что-нибудь развлекательное – вечер скоротать, отвлечься...

От пёстрых обложек рябило в глазах. Я брала одну книгу за другой и, не открывая, клала их обратно. Несколько серий дамских романов: на обложке в овальном медальоне парочка – он в рубашке с воротником-апаш, расстёгнутой до пупа, она с умопомрачительным декольте в оборках и закаченными глазами... Дальше фэнтези: гномы, эльфы-цвельфы..., гвельфы и прочие гибеллины. Если бы Толкиен знал, какое количество эпигонов ринется по его следам, он точно сжёг бы все свои рукописи. Детективы из тех, что Андрей называл дефективами: на обложках то полуголая девица, двумя на маникюрными пальчиками удерживающая какую-то штуку «большой убойной силы», то нечто вроде Шварценеггера

в его лучшие годы с турельным пулемётом наперевес. Даже его отбросило бы отдачей метров на пять, на чём вся стрельба и закончилась бы.

Что-то со мной происходит – откуда во мне столько злобы и ненависти? Всего-навсего дурацкое чтиво – так оно было во все времена. Вот же рядом другая книга. Я открыла её, взгляд выхватил кусок текста: «Аты-баты, шли солдаты на войну, как на парад...»

Я на секунду ослепла от накипающих слёз и судорожно вцепилась в край прилавка, смутно осознавая, что, если упаду, он свалится следом.

– Вам что-нибудь предложить? – прозвучал из наплывающей темноты голос продавца.

– Да, пожалуйста... – пробормотала я, едва ворочая языком.

Что угодно, лишь бы отвлечься, прийти в себя, выкарабкаться из облака обморочной слабости... Лишь бы умолкла зазвучавшая в голове мелодия.

– Вот, посмотрите. Новинка, начнёте и не оторвётесь. Я десять лет книгами торгую, знаю, о чём говорю.

Он сунул мне книгу, и я взяла её так, как взяла бы кирпич. С трудом фокусируя внимание, прочла заголовок, будто на чужом языке: «Взгляд сквозь пальцы». Раскрыла её на середине, полистала, делая вид, что проглядываю текст. Перевернула, посмотрела на тыльную сторону обложки и наконец смогла прочесть кусок аннотации: «...у неё осталось му-

жество. Мужество отчаяния»

Ну что ж. Это, кажется, про меня – и для меня. Мужество мне пригодится.

– Берите, потом спасибо скажете!

– Хорошо, отложите, на обратном пути заберу.

Я осторожно опустила книжку на пропыленный брезент прилавка и вдруг увидела у входа на рынок Повелителя Птиц.

Этот старик словно пришёл из моего детства. Тогда свистулька, в которую наливалась вода, звонко щебетала в других руках – таких же узловатых, со вздутыми венами. Мне её так и не купили, несмотря на все мои мольбы: «вечно всякую дрянь просишь». Ещё пару раз я видела старика со свистульками, а потом он исчез навсегда – умер, наверно... Так что, увидев этого старика два года назад, я бросилась к нему, задохнувшись от восторга.

– Вот, небось, дитё обрадуется! – заметил старик, отсчитывая сдачу.

– Ещё как!

– Большое?

– Пять лет. А сдачи не надо.

– Ну, спасибо.

Я не соврала. Ребенку и правда было пять лет – девочке, которой я была тогда, в прошлом веке. Очень одинокой девочке в ситцевом платье, обшитом тесьмой-руликом, и плоских сандалиях из магазина «Детский мир».

Там продавалось много игрушек, но таких свистулек не было никогда. Они исчезли из моей жизни и пришли в неё только сейчас. В тот вечер я по дороге домой свернула в парк. Бродила по аллеям, разгребала кроссовками палую листву, дула в свистульку, слушала её булькающий переливчатый лепет и была счастлива. И что бы мне не быть счастливой тогда? Андрей был жив, мы любили друг друга, Димка сразу потянулся ко мне, и жизнь заходила таким же ликующим щебетом, как та самая, из детства, свистулька.

Она и сейчас лежит в шкафу. После известия о гибели Андрея я к ней не прикасалась. Что-то умерло во мне вместе с ним, а без этого «чего-то» свистулька – только никчемное барахло.

А старика я сразу же прозвала про себя Повелителем Птиц. Их у него было много, разных: керамические – расписанные цветами и просто терракотовые – , сделанные из шариков для пинг-понга, ещё какие-то...

Повелитель Птиц решил расширить бизнес. На переносном прилавке среди празднично-ярких птичек стояла небольшая клетка с попугайчиком. Ничего особенного, обычный голубой волнистик, ещё одна несбывшаяся детская

мечта. И ей уже не сбыться: мне сейчас только попугайчика не хватало – в подвале, с дежурствами и экстренными.

– Продаёте попугая?

– Нет. Он у меня гадает. Хотите? Пятнадцать рублей.

Старик одет нищенски, но всё на нём чистое и целое. Не побирается – продаёт свои поделки. А пятнадцать рублей – это полпачки макарон или буханка хлеба.

– Идёт.

– Гриша, погадай даме!

Повелитель Птиц провел узловатым пальцем по прутьям клетки. Гриша глянул на меня чёрным глазом-бусинкой, прыгнул с жердочки на жердочку и выхватил скатанную в тугой рулончик бумажную полоску из вороха таких же, лежащих в пластиковой мисочке. Старик ловко вынул бумажку у него из клюва.

– Вот молодец, умница. Берите. Только не говорите «спасибо».

Я сунула бумажку в кошелёк и тут же о ней забыла.

В забегаловке Сурена делают отличные чебуреки, золотистые и хрустящие. Я съела парочку, совершенно не ощущая вкуса, запила их чаем. Когда последний раз еда доставляла мне удовольствие? И когда жизнь была в радость? Давно, очень давно. Когда Андрей был жив.

Я брела по рядам, прикидывая, что бы мне хотелось купить, и отстраненно понимая, что не хочется ничего. Но-силные вещи есть. Теплую куртку буду присматривать бли-

же к осени. А вот Димке нужны джинсы. Через полтора месяца в школу, вряд ли он за это время вырастет больше чем на десять сантиметров. Куплю на вырост.

Подходящие джинсы нашлись на третьем по счету прилавке. Но я не успела прицениться: под левую лопатку уперлось что-то твердое, и скрипучий голос произнес: «Руки вверх!» Я покорно подняла руки, и тут неведомая сила отшвырнула меня прочь. Я полетела вдоль прилавка, пытаюсь удержаться на ногах, хватаясь за плохо обструганные доски, сметая разложенные джинсы – и в конце концов шлёпнулась на асфальт. Жесткое приземление на копчик едва не вышибло из меня дух, на глазах выступили слёзы. Проморгавшись, я увидела того, кому была обязана жизнью – как он мог считать – либо сломанным копчиком. Плечистый невысокий мужик в джинсах и синей футболке стоял над поверженным противником, наступив ему на стопу, направив на него отобранный автомат.

– Славик, – морщась от боли в копчике, сказала я, – не плачь, сейчас маме позвоним.

Но Славик продолжал плакать, размазывая по лицу слёзы и кровь из разбитого носа. В умелых руках даже пластиковый автомат – отличное холодное оружие, и мужик в синей футболке профессионально расквасил Славику нос.

Будь автомат настоящим, Славик валялся бы без сознания, с лицом, смятым в кровавую маску. Но Славик нёс службу с игрушечным автоматом. В серо-бело-голубом «го-

родском» камуфляже и старой милицейской фуражке, он патрулировал рынок весь рабочий день, и на его плохо выбритом лице отражалось величие принятой миссии. Славик бдиль, обеспечивал закон и порядок, с утра до вечера патрулируя рынок с игрушечными наручниками, рацией и автоматом. Вечером его забирала старуха-мать, которая подработывала где-то неподалёку уборщицей. Он прижился здесь давно, стал местным талисманом. Торговцы считали, что Славик приводит клиентов и выручку, угощали, иногда что-нибудь дарили: носки, майки. Однажды подарили наручники из секс-шопа – с розовым мехом и стразами... Славик не благодарил, ему было некогда. Он служил закону. Если бы он лучше разговаривал, то наверняка повторял бы фразу, выбитую на памятнике американскому полицейскому: «Именем народа я приказываю быть спокойствию!» Но словарный запас Славика был куда беднее, и его картавые выкрики: «Руки вверх! Облава!» были необходимым мотивом в симфонии рынка.

Победитель Славика, кажется, осознал, в каком дурацком положении оказался. В бледно-голубых водянистых глазах потух огонёк бешенства, лицо из маски ярости стало почти нормальным лицом бывалого мужика лет под сорок – и тут пришли в себя онемевшие было торговки.

– Ты что, охренел? Не видишь, больной человек!

– Ай тха, инч ес анум? Гжвел ес? ¹

---

¹ «Эй, парень, ты что, с ума сошёл? Что ты делаешь?» (арм.)

– Славик, золотце, не плачь, мама сейчас придёт!

Мужик в синей майке выплюнул неразборчивую ругань, Славик вытер кровь рукавом и попытался встать с помощью толстой Гаянэ. Я обнаружила, что до сих пор сжимаю в руках джинсы, непонятно с какого прилавка. Кто-то предлагал вызвать милицию...

Тут оказалось, что мужик в синей майке исчез, словно растворился в воздухе. Лишь автомат, который он только что держал в руках, остался на пыльном асфальте.

Я потрясла головой – вроде не кружится, не болит. В глазах не двоится. Осторожно встала на четвереньки, ощупала свой несчастный копчик. Вроде не сломан, только ушиблен. Но штанам пришел конец: легкая джинса не выдержала того, что я проехала задом по асфальту. Может, дотянут до дома. Я поднялась на ноги, сделала несколько шагов.

– Ай, девушка, подожди! Ещё чуть-чуть, и вся попа наружу будет!

– Гаянэ дело говорит, возьми новые, у меня недорого!

– И у меня!

Сдерживая накипающие слезы, я купила первые подошедшие джинсы, выкинула в урну свои и побрела домой, в подвал. Нечего сказать, утешилась шопингом. Едва не свернула себе шею, угробила любимые брюки, поневоле купила

ненужную вещь...

– Блин, что за день сегодня, все как с цепи сорвались!

Толстая Гаянэ выразила общее мнение, и моё тоже.

Отсюда мне ехать с пересадкой. Я села в маршрутку, прислонила голову к стеклу и закрыла глаза. Всё запланированное на сегодня сделано. На выходные съезжу к Димке, погребюсь об него. И плевать, что Наталья Николаевна косо на меня смотрит. Димку отпускает иногда ко мне, пусть со скрипом, но позволяет с ним общаться – и ладно... Ну что за день, правда! У людей, больных и здоровых, крыша едет...

Маршрутку подбросило на ухабе, я стукнулась виском о стекло – в голове отдалась острая боль – и открыла глаза.

Крыша ехала мимо, но шифером не шуршала. Солидная крыша из красной металлочерепицы двигалась в потоке транспорта, проплывая за окном маршрутки... Это что, галлюцинация? Оптический обман? Что происходит?

Шофер рванул на зеленый свет и обогнал обычный мотоллер «Муравей», к прицепу которого была надежно принайтовлена крыша для небольшого садового домика – или для гаража. Даже габаритные красные тряпки висели... Вот и всё объяснение. Если у вас паранойя, то это не означает, что за вами не следят.

Черт меня понес пересаживаться на Октябрьской. Знала же, что эта остановка – территория Шаши – так произносил своё имя шепелявый Саша Лазарев. Несмотря на синдром Дауна, двадцатилетний Шаша трудился как пчелка, кормя

алкоголиков-родителей. Каждый, кому он совал под нос картонку с жалостной надписью, обезоруженный щербатой Шашиной улыбкой, оказывался перед выбором: ощутить себя последней сволочью или раскошелиться. Как правило, выбирали последнее.

Сегодня картонка гласила: «Падайте на прапитание». Но «падать» не хотелось. Шаша косноязычно матерился, гоняясь за прохожими, а на скуле у него расцветал свежий синяк. Мыча, он бросился наперерез пожилой женщине, и в его глазах горела такая ярость, что стало страшно. Благо подошла маршрутка, Шашина жертва села в неё, и он отстал. Шаша боялся машин, никуда не отлучался с «рабочего места», с собачьим терпением дожидаясь отца, который вечером забирал его с выручкой домой.

Я села на скамейку под раскалённой пластиковой крышей и приготовилась ждать – к больнице ходит только один автобус. Полезла в сумку и обнаружила, что отложенная книжка так и осталась на прилавке: после побоища в вещевом ряду я хотела одного – поскорее добраться домой, в подвал, и вышла с рынка через другие ворота. Ладно, завтра куплю. Книжка чем-то зацепила...

Палатка с аудиодисками извергала на всю улицу «Владимирский централ». Из киоска с сигаретами высунулась ярко накрашенная продавщица и, перекрывая голос Круга, прокричала:

–Толик, ну, сколько можно! Всю голову пропилил! По-

ставь другое!

– Если хорошо попросишь!

– Не выёживайся! От жары спасу нет, да ещё это... Поставь что-нибудь душевное.

– Что?

– Ну, этого, как его, утром-то ставил...

– Ой, не рассчитайся, – игриво ответил Толик, и шансон умолк.

Лучше бы он не умолкал. В липкой духоте поплыл другой голос, и мне стало совсем худо.

– Ты меня на рассвете разбудишь,

Проводить необутая выйдешь.

Ты меня никогда не забудешь,

Ты меня никогда не увидишь...

Держаться, держаться из всех сил – не свалиться в обморок, не разреветься... Меня пытаются на глазах равнодушных прохожих, но никто ведь не виноват, что слово, музыка – да что угодно – причиняет такую дикую боль. Просто у меня содрана кожа.

– ...возвращаться – плохая примета.

Я тебя никогда не увижу...

Подошёл автобус, я поднялась со скамейки, чувствуя, как

тяжело мне идти, дышать, жить. Но сегодняшний день не давал пощады.

«Я тебя никогда не увижу. – Я тебя никогда не забуду...» – прозвучало вслед, и дверца автобуса захлопнулась.

Нелепый день, необъяснимые изменения больных, неотвязная тоска по Андрею, отшибленный об асфальт копчик, откуда-то взявшаяся головная боль, которая усиливалась с каждой минутой – всё слилось в одно невыносимое целое. Но страшнее всего была злоба, которую я ощущала в себе – не такая ли плескалась в глазах Шаши? Злоба на людей, на мир, в котором всё это возможно, выскочила из темного чулана в мозг и ломала мне позвоночник, толкая заорать диким голосом, разбить себе голову о стенку автобуса или вцепиться кому-нибудь – всё равно кому – в глотку и не отпускать, пока тот не перестанет хрипеть. Я давилась слезами всё время, пока шла через больничный двор к своему подвалу, и только закрыв за собой железную дверь, разревелась в голос – всхлипывая, подвывая, моля о пощаде кого-то далекого, холодно-безразличного и занятого.

Выплакавшись, я полезла в пакет с лекарствами. Вытащила несколько упаковок снотворного, прикинула свой вес и принялась подсчитывать летальную дозу. Добавить процентов десять для верности...

И тут вспомнила о Димке, увидела его как наяву – с облезающим в который раз за лето носом, серо-зелеными глазами Андрея и выгоревшими волосами. Он останется совсем

один, не считая бабушки, а ей восьмой десяток.

Я порвала бумажку с подсчётами, подошла к зеркалу и стала, как незнакомое, рассматривать свое зарёванное красное лицо. Хороша, нечего сказать... Что нашел во мне Андрей? Как он мог полюбить такую издерганную истеричку, выглядящую куда старше своих сорока лет?

Не передергивай, подумала я. Тебя состарили горе и болезнь. От реактивной депрессии никто не хорошеет – и ты не исключение. А то, что клиническую картину дополнили припадки дисфории и суицидальные мысли, означает только одно: случай запущен, и пора ложиться в стационар. Всего-то. Убивать надо таких пациентов. А пока... Пока заняться физиотерапией. Что лучше всего помогает при истерическом припадке, при надрывной жалости к себе и самоедстве? Правильно, хорошая оплеуха и ведро холодной воды...

Глядя в зеркало, я отвесила себе две такие пощечины, что на распушем от слёз лице проступили отпечатки ладони. Умылась холодной водой. Написала список дел на завтра. Приняла одну таблетку снотворного, две обезболивающего – голова болела всё сильнее – и легла спать, втайне надеясь, что Андрей мне приснится.

Отключиться до конца не удалось, сон был поверхностным, и приснилось мне совсем другое. Я опять была зелёным интерном, опять стояла, застыв на пороге наблюдательной палаты – оглушенная звериным воем, не верящая собствен-

ным глазам. И опять Танька Максименко, надёжно прификсированная к кровати, грызла себе плечо, и в ране уже виднелись розовые сухожилия – она добралась до суставной сумки...

– Твою мать! Что вылупилась?! Пусти!

Санитар Эдик отпихнул меня с дороги, и я, выйдя из ступора, бросилась за ним.

– Маринка что, опять в хлам ужралась? Все получим завтра от Вилора! Давай, помогай!

Мы с Эдиком на пару взнуздали воющую Таньку, запихав ей вязку в окровавленный вурдалачий рот – «Смотри, чтобы язык снизу тряпки был!», – командовал Эдик – и привязали Танькину голову к спинке кровати.

– Вот так нормально. Ты что, не знала? Танька, когда плохая, всегда себя грызёт: руки, пальцы. Если прификсировать, плечи грызет – видишь, шрамы какие? Другой кто, нормальный, без руки бы остался, а на дураках всё заживает как на собаке. Ты Таньку первый раз видишь?

– Да.

– Ну, тогда спрос другой будет. Она в шесть поступила. Это Дмитрич виноват, по смене не передал. Он-то её как облупленную знает. Ты же йнтер?

– Интерн.

– Оно и видно.

Фамильярность пришлось проглотить. Эдик в основном разрулил ситуацию, дальше дело за мной. Я подняла по-

стовую сестру, назначила Таньке дополнительную инъекцию аминазина – притормозить – и вызвала экстренного хирурга.

Поспать в то дежурство так и не удалось. А наутро прогноз Эдика полностью сбылся. На пятиминутке я пробубнила, что Максименко Татьяна поступила в восемнадцать часов с диагнозом: олигофрения в степени имбецильности, психоз у олигофрена. Ночью была психомоторно расторможена и нанесла себе повреждения в виде укушенных ран правого плечевого сустава. Сделана инъекция... Вызван хирург, произведена первичная обработка раны, назначено лечение...

Завотделением Вилор Алексеевич всё сильнее сжимал губы и к концу доклада сжал их в нитку.

– Так, – сказал он, не повышая голоса. – Напишите объяснительную. Все свободны. Константин Дмитриевич, оставайтесь.

Запойная санитарка Марина вылетела из больницы в тот же день. Эдик наверняка обо всём забыл после смены. На Таньке всё зажило через две недели. Но мне она снится до сих пор – обычно тогда, когда я еле жива от усталости. Тогда опять всплывал из глубины памяти, словно донный лед, позабытый ужас от превращения человека, – пусть больного, безумного, но человека – в воющего зверя.

Я проснулась от воя, он звучал наяву, но почти сразу же оборвался. И я заснула вновь, сквозь успев подумать, что вой мне приснился.

Проснулась я поздно. Ладно, могу повалиться, сегодня приём с двух часов, а идти на работу – подняться на этаж выше... Я вылезла из постели, привычно пошла к окну и отдернула занавеску.

Сверху, сквозь металлическую решётку приемка, свешивалась человеческая рука. Ногти на ней были синими, а кожа серо-желтой.

Я долго, целую минуту, наверно, смотрела на неё как завороченная. Потом достала телефон и набрала 02. Сеть была, но трубку никто не взял.

После пятого вызова, на который никто не ответил, я быстро оделась и вышла в коридор, тускло освещенный дежурной лампочкой. Четыре двери, в торце ещё две – в санузел и чулан. Раковина у меня своя, предмет зависти остальных обитателей нашей Вороньей слободки.

Рентгенолог Ашот повез жену к матери – рожать. Моя соседка через стенку, пухлая неунывающая Оля, упорхнула в отпуск – в Турцию, за личным счастьем. Травматолог Илья погряз в очередном романе и почти не приходит ночевать. Одна я здесь постоянно – куда ещё деваться.

Четыре ступени вверх: я открыла железную дверь и подошла к лежащему человеку.

То, что он мертв, было видно сразу. Живой не будет лежать лицом в асфальт. А вокруг головы у него расплывалась

красно-черная лужа.

Я ещё раз набрала милицию, потом «скорую». Нет ответа. Подошла поближе и присела на корточки, рассматривая труп.

Голова повернута под таким углом, что сразу ясно: шея сломана. Та часть лица, которую можно увидеть, похожа на расколотый арбуз. Немолодого мужчину били головой об асфальт, пока не стесали заподлицо нос и не разбили череп. При виде синего лица в потеках засохшей крови замутило, во рту появился медный вкус, тонко зазвенело в ушах. Не хватало в обморок грохнуться...

Я осторожно поднялась на ноги, ещё раз набрала 02 и 03 – с тем же результатом – и решила выйти осмотреться.

С каждой минутой нарастали недоумение и следом за ним страх. Разгар рабочего дня: где машины сотрудников? Где хоть одна «скорая»? Почему вокруг так пусто и тихо?

Выйти из ворот я не успела. Послышался топот бегущих ног, нечленораздельные крики, и в створе ворот пробежал человек без лица – вместо него было что-то окровавленное. А за ним бежало несколько людей, на людей непохожих. На этих лицах не было ни тени разума: только звериная ярость и желание убивать. Не бывает таких лиц у нормальных людей, не может быть...

Очнулась я в будке сторожа: сработал инстинкт самосохранения. Меня трясла мелкая ледяная дрожь. Когда на звонок в очередной раз не ответили, я с трудом подавила жела-

ние разбить телефон об асфальт.

До двери в подвал было метров пятьдесят. Никогда в жизни не преодолевала большего расстояния. Залитый солнцем больничный двор, труп, лежащий у моего окна – всё это казалось кусочком другой, бредовой реальности.

Подвал встретил меня тишиной, полутьмой и прохладой. На несколько секунд показалось, что всё только что виденное мне просто приснилось. Но рука с синими ногтями всё так же маячила в окне, словно напоминание о том, что самообманом заниматься бесполезно – да и просто опасно. Чистенькая нищета моей комнаты показалась оазисом безопасности и уюта. Может, отсидеться здесь? Но от чего отсиживаться и как долго? Связи нет, информации о том, что происходит – тоже. Продуктов мало, а консервов нет совсем. Вода и свет есть – пока. Но самое страшное – полная неизвестность, и этого мне не вынести.

В чуланчике, где хозяйственный Ашот хранил всякий хлам, я нашла монтировку. Постояла на ступеньках, собралась с духом и вышла из подвала в яркий летний день. На голове трупа сидело несколько крупных изумрудных мух. От одного взгляда на них желудок поднялся к самому горлу. Борясь с тошнотой, вышла на пустую улицу и направилась в центр города, зачем-то стараясь ступать как можно тише.

Я столкнулась с ним в начале следующего квартала. Высокий мужчина лет сорока в деловом костюме, измятом и перепачканном так, словно в нём неделю спали на вокзале. Он

шёл размеренной походкой, глядя в пространство и бормоча себе под нос. Я застыла на месте, но он успел меня заметить. Стоя руки по швам, как оловянный солдатик, я уставилась ему в правый глаз, исступлённо твердя про себя: «Уходи! Уходи! Уходи!». Он рассматривал меня, стену ближайшего дома, афишную тумбу, и, казалось, не отличал одного от другого. Просто детали пейзажа...

Лицо абсолютно расслаблено, глаза смотрят в пустоту. Жужжит, как шмель, повторяя неразборчиво одно и то же слово. Я прислушалась.

– Опаздываем... опаздываемопаздывае...опаз...Дываем. Опа...

– Опаздываем – подхватила я, стараясь копировать интонации.

Он моргнул.

– Опаздываемопаздываем, – жужжала я. – Опаз...

– ...дываем.

«Я – это ты! Я —это ты!» – повторяла я про себя, чувствуя, как на лбу выступают капельки пота.

Присоединиться к дыханию... Самая простая установка раппорта... Ну...

Он зашагал дальше, повторяя своё заклинание, а у меня подкосились ноги. Я не упала только потому, что оперлась плечом на афишную тумбу.

Яркие афиши сообщали о распродаже шуб и ожидаемом приезде «любимицы публики, звезды эстрады Ангели-

ны Чернобаевой». Потомственная гадалка Маргарита предскажет вам будущее... Интересно, предвидела ли она такой оборот событий?

Второго я заметила слишком поздно. Он выскочил из-за угла, словно летя на крыльях разорванной в лоскуты, чудом державшейся на плечах рубашки. Увидел меня и бросился через улицу. Я бежала как заяц, молясь о том, чтобы успеть добежать до следующей улицы – там начинались частные дома, и был шанс юркнуть в ворота. Кроссовки глухо стучали по тротуару, воздух раздирал пересохшее горло, боль в боку делалась всё острее, но я чувствовала, что убегаю от смерти.

Полуприкрытую калитку я увидела, когда начало сводить ноги. Метнулась в неё, повернула массивную ручку, навалилась всем телом на грубо сваренные железные листы, и с замирающим сердцем услышала удаляющийся топот.

Мой преследователь, кажется, так и не понял, куда же я делась. Я сползла на потрескавшийся асфальт и долго не могла отдышаться.

До сквера на Пионерской я добралась минут за двадцать: крапалась окольным путем, озираясь, как воровка. По дороге никого не встретила, но хватило и того, что было видно сквозь заборы из сетки-рабицы.

Пожилая женщина грызет выдернутую из грядки морковь – прямо с землёй, весь подбородок в чёрных разводах, а

она всё жуёт и жуёт.

Подросток остервенело доламывает детский велосипед: руки изодраны в кровь, лицо искажено гримасой ярости.

Я переложила из руки в руку монтировку и поняла: вряд ли смогу кого-то ей ударить. Вмазать человеку по голове металлической палкой в два пальца толщиной... Знаю, видела, что бывает после таких ударов. А бить надо именно по голове – либо по рукам, ломая суставы.

Это люди. Люди, с которыми случилось что-то страшное и непонятное. Внезапный психоз? Это состояние может пройти? Само по себе или после лечения?

Ответы на вопросы будут потом – может быть. А пока нужно просто остаться в живых.

Сквер я перейти не успела. В противоположном его конце появились люди. Согнувшись пополам, я метнулась к большой клумбе, прорвалась сквозь кусты роз и упала ничком, прячась за колючими зарослями. Авось сюда никто не полезет...

– Ой... – тихо сказали рядом.

Это оказалась девчонка лет пятнадцати. Зарёванная, лицо в царапинах, майка разорвана и перепачкана.

– Вы откуда?

– Из больницы. Помолчи пока.

Она всхлипнула и умолкла, а я осторожно устроилась так, чтобы видеть сквозь путаницу стеблей всё, что происходит неподалеку.

Их было пятеро. Двое крепких мужчин и три женщины: пожилая и две помоложе. Но они не были ни группой, ни компанией. Просто брели в одном направлении. Вот одна из молодых – высокая, в ярко-голубом платье – обогнала мужчин...

Передний размахнулся и одним ударом сбил её с ног.

Женщина упала и осталась лежать. Остальные прошли мимо, не оборачиваясь.

Девчонка рядом со мной тихо плакала, зажимая себе рот.

Упавшая зашевелилась. Поползла, встала на четвереньки. С трудом поднялась на ноги и, шатаясь, побрела дальше. Она не вытирала капающую из носа кровь, крупные капли падали на асфальт, и следом тянулась кровавая дорожка.

– Тебя как зовут? – вполголоса спросила я.

– Яна-а-а...

– Яна, кончай реветь!

– Ладно-о-о-о... – она шмыгнула носом.

– Успокойся и расскажи, что ты видела.

Увидеть Яна успела совсем немного. Накануне она весь день провела с парализованной бабушкой. Тетка должна была прийти утром, но так и не пришла. На звонки никто не отвечал. Покормив старуху, Яна решила сходить в магазин

и узнать, что к чему.

Первый прохожий встретился на соседней улице. К счастью, он был немолод и грузен. Яна всегда неплохо бегала, а страх придал ей резвости. Отдышавшись, она решила идти домой, к родителям. Но тут везение закончилось. От встреченного на углу молодого парня убежать не удалось.

Тут Яна разрыдалась, и дальше информацию пришлось вытягивать по кусочкам.

– Он меня с ног сбил и...

– И что?

– Начал майку на мне рвать. Он не говорил совсем, только мычал, будто глухонемой. А глаза как у зверя какого-то...

– Он тебя что – изнасиловал?

– Не успел. Тут другой такой же припёрся. Они драться начали, а я отползла подальше и дёру. Спряталась здесь, отсидеться хотела.

Меня словно кипятком ошпарило: Димка! За это время, безумное, растягивающееся, вместившее в себя столько, что, кажется, хватит на год жизни, я ни разу не вспомнила о нём.

Телефон в моей руке казался чем-то надежным и успокоительно обычным. Вот сейчас услышу Димкин голос, и можно будет подумать, как вырваться из этого кошмара...

Димка не отвечал. Номер Натальи Николаевны – тоже.

Страх нарастал с каждой минутой, и страшнее всего была неизвестность.

В сквере появились люди, и я услышала, как часто задышала рядом Яна.

– Папа! Там папа! – пробормотала она и поднялась на ноги.

– Стой! – я попыталась схватить её за щиколотку, но не успела.

– Па-а-а-па-а-а!

Она уже бежала через залитый солнцем сквер навстречу тем, от кого надо было прятаться или спастись бегством. Я поползла дальше, в колючую чашу неухоженных роз, но звенящий вопль настиг меня на полдороге.

Как убивали Яну, я не слышала: выронила монтировку и зажала уши. Сквозь кусты было видно, как один из тех, кто методично втоптывал её в асфальт, вдруг оторвался от этого занятия и направился к клумбе. Распластавшись на редкой пожухшей траве, я молилась о том, чтобы он меня не заметил. Тело само вспомнило науку деда Прохора: расслабься. Растекись по земле, смешайся с ней. Впитайся в землю. Дыши редко... ещё реже... Неглубоко... Меня здесь нет... Нет... Нет...

«Люська невидимой становиться могла, если хотела» – явно прозвучал в ушах голос деда Прохора.

Яна уже не кричала, только хрипела. Один из её убийц стоял у клумбы: мне были видны только ноги в старых крос-

совках. Вот он потоптался на месте и шагнул вперед...

Меня здесь нет... Меня нет нигде. Меня никогда не было.

Он пошел прочь, а я всё продолжала твердить без слов свою мантру, пока не отключилось сознание.

Очнулась я быстро: солнечный блик по-прежнему лежал на осколке стекла перед носом. Было тихо, монтировка валялась, там же, куда упала. Осторожно подхватив её, я выглянула из кустов, готовая тут же спрятаться.

Никого. Только тело, похожее на изломанный манекен.

С трудом передвигая ноги, я доковыляла до того, что совсем недавно было юной девчонкой – перепуганной, избитой, но живой. В груди мяса ничего о ней не напоминало.

Я едва успела сделать несколько шагов в сторону, и меня вывернуло наизнанку.

Заходясь в спазмах рвоты, сгибаясь пополам, я продолжала ощущать запах парной крови, и от него тошнило еще сильнее. Кровь заполнила извилистую трещину в асфальте, перелилась через ее края, поползла тонкой струйкой дальше – прямо передо мной...

Разогнувшись наконец, я тупо смотрела на темно-красную полосу, словно на линию границы, с трудом понимая, где нахожусь и что происходит. Оказалось, что монтировка сжата у меня в кулаке так, что пальцы побелели и почти не ощущаются. Рука стала одним целым с железной палкой.

Теперь было ясно, куда идти. Только добраться бы живой и невредимой.

Я перешагнула через струйку крови и пошла дальше.

Два квартала вперед, потом налево. Третий дом от угла, фасад пятиэтажки из белого силикатного кирпича. Яркая вывеска «Сафари». Шесть ступенек вниз и металлическая дверь – приоткрытая! Чуть не задохнувшись от счастья, я прикрыла за собой дверь и бросилась к прилавку. Всё, что мне было нужно, оказалось в стеклянной витрине. Я разбила стекло монтировкой и схватила новенькую «Сайгу».

За окном скрипнули тормоза, по лестнице простучали тяжёлые шаги, и через несколько секунд наши взгляды встретились. Крепкий невысокий мужик лет сорока в чёрной форме охранника с пистолетом в руке. А от его левого колена на меня смотрела смерть. Молчаливая смерть чепрачного окраса, без поводка и намордника. В неё я и прицелилась.

– Убери ствол, – в голосе мужика была угроза.

– Отзови собаку.

– На счёт «три», одновременно. Раз, два, три – лежать!

Пёс мгновенно выполнил команду, улётся где стоял, но не сводил с меня глаз. Я опустила ствол карабина. Охранник сунул пистолет в кобуру, но что-то подсказывало: чтобы достать его, потребуются доли секунды.

– А ствол держишь как надо. Где научилась?

– У меня первый разряд по стрельбе.

Он тихо присвистнул, и собака тут же насторожилась.

– Хоть бы и мужику впору. Ардон, место!

Пёс прошёл за прилавок и начал там шумно топтаться.

– Я Сергей, в охране здесь работаю.

– Я Вера, врач.

– Какой?

– Психиатр.

Он хмыкнул.

– Таких, как ты, здесь много понадобится. Видела, что в городе творится?

– Видела, но мало. Поздно встала сегодня.

– А меня должны были в восемь сменить. Час, полтора – никого. Стал звонить – никто трубку не берет. На улице шум какой-то. Решил посмотреть, ставни поднял... Никаких ужасиков не надо. На войне такого не видел. Ты хоть что-нибудь понимаешь?

– Почти ничего.

– А я понимаю. Дёргать надо.

– Куда?

– Куда угодно. Ты представляешь, что будет?

– Не очень.

– На крайняк завтра к вечеру здесь будут все: и ФСБ, и вованы.

– Что за вованы?

– Вэвэшники.

– Почему?

– Ты что, с Луны свалилась? Все, кому надо, не получили утренних рапортов. Вечером тоже не получают. Вот тогда и пойдёт собачья свадьба. Всё оцепят по периметру: карантин, «егоза», блок-посты. Всех задерживают до выяснения обстоятельств. Оно тебе надо? Вот скажи: ты хоть одного нормального видела?

– Нет, только семьдесят третьи.

– Это ещё кто?

– Эф семьдесят три – шифр идиотии. Когда увидела их близко, ничего другого не пришло в голову.

– В доме напротив булочная. Там целая стая паслась, одного в толчее затоптали. Дёргать надо! Я выходил машину подогнать. Хочешь, поехали вместе. Раз такое дело, лишний стрелок не помешает.

– Поеду, только сделаем крюк в Хомутовку – это час от города по шоссе, потом минут десять от развилки.

– На хрена?

– Сын у меня там.

Слово «сын» выговорилось так легко, что я отстранённо удивилась естественности своей лжи.

– Ну, если так... Только не рассусоливать: в машину и поехали. Большой парень?

– Двенадцать лет.

Ещё одна ложь, и вновь без малейших угрызений совести. Димке скоро исполнится одиннадцать, но он высокий и крепкий для своего возраста. Нужно, чтобы Сергею даже в голову не пришло, что мальчишка может стать обузой...

– Ему тоже можно ствол взять, дробовик лёгкий. Стрелять умеет?

– Н-н-нет, – ответила я виновато.

– Ладно, научить недолго. Всё, хорош триндеть, время пошло.

Он методично выбил стёкла из витрин моей монтировкой и стал вынимать ружья.

– Патроны доставай, – бросил он мне.

– Где они?

– Так ты ж зарядила – или?...

– Не успела.

Он изумлённо оглянулся на меня и расхохотался так, что Ардон заворчал под прилавком.

– На понт взяла, молодец! Внизу, слева. Подожди. Стань и стой, пусть он тебя обнюхает. Ардон!

Пёс подошёл, повинувшись жесту хозяина, и словно нехотя обнюхал мои ноги.

– Свои! Всё, теперь можно, он не тронет. Доставай коробки, носи к выходу.

Я молча повиновалась. Явно офицер в отставке: нарастают императивные интонации, входит в привычную роль командира... Плевать, мне это на руку. Моих целей проще достичь под его руководством, а ему нужен хвостовой стрелок.

– С «Сайгой» дело имела? Сама зарядишь?

– Если покажешь, как.

Он снарядил магазин, присоединил его – и споро проделал обратные операции.

– Теперь сама. Молодец, руки на месте. Дошли патрон. И в карман возьми про запас, патронов много не бывает. Всё, пошли на выход. Ардон!

Я вышла на яркий солнечный свет, увидела выдавшуюся выды «Ниву», у дома напротив труп, похожий на грудку тряпок – и голова опять закружилась.

Вцепившись в карабин, я огляделась, и стала между выходом и машиной, держа оружие наизготовку. Сергей в несколько приёмов перетаскал из магазина охапку ружей, грудку коробок с патронами, загрузил их на заднее сиденье и сел за руль. На шее у него висел бинокль.

– Назад садись! – скомандовал он, открывая переднюю дверцу. Я забралась на заднее сиденье. Ардон вспрыгнул на «штурманское» место, и Сергей тронул машину.

– Слушай сюда. Сейчас съездим, осмотримся. Почему-то эти, двинутые, всё утро шли туда, – он махнул вправо, – к реке. Поедем, посмотрим. Я понял, что они бросаются на движущееся. Если затормозим прежде, чем нас увидят, то быст-

ро привыкнут, что стоит тут какая-то дура, которой раньше не было. Понаблюдаем и уедем. Машину им не догнать. Окна я закрыл. Задача понятна?

– Так точно.

– Ты что, в армии служила?

– Нет, просто вырвалось. Умеешь построить.

– Кто на что учился... Всё, подъехали.

Набережная и берег реки были забиты людьми. Кто-то спускался к воде, пил, черпая горстью или опустив лицо в воду. Над набережной стоял нечленораздельный шум, словно гул пчелиного роя. Он проникал даже сквозь закрытые окна. Похоже, некоторые повторяют одно и то же слово, как тот «семьдесят третий», к которому мне удалось присоединиться.

Несколько магазинов, выходящих на набережную, были разгромлены. Повсюду валялись огрызки фруктов, куски хлеба, чего-то ещё... Среди мусора лежало несколько трупов. Их никто не убрал, даже не оттащил в сторону.

– Тьфу, блин... И гадят здесь же. Смотри, смотри!

Сергей сунул мне в руки бинокль, и окуляры приблизили всю эту фантазмагорию – так, что ужас ледяной лапой сдавил моё горло.

Стеклянная витрина фургончика со сладостями – и пожилая раскосмаченная женщина, бьющаяся об неё головой в попытке дотянуться до кремовых тортов. Стекло забрызгано кровью, кровь течёт с разбитого лба, капает на грудь,

а она всё продолжает долбиться головой об стекло... Хочет разбить витрину, чтобы достать пирожные, или пытается вынести себе мозги? У них что – болевая чувствительность исчезла? Вот она пошатнулась и осела на асфальт, бредущий мимо парень в спортивном костюме наступил на её откинутую руку... Оба никак не отреагировали.

Спариваются в позе «догги-стайл» мужчина и женщина средних лет... Стоп, я подумала «спариваются»? Не трахаются, не занимаются любовью или сексом. Спариваются, ритмично ухая, на глазах равнодушной толпы – или стаи? Но в стае должна быть какая-то иерархия, а здесь аморфная масса.

Мужчина, видимо, причинил партнёрше боль – она взвизгнула и укусила его за руку. Он, не прекращая фрикций, свернул ей шею, подхватил за плечи и продолжил процесс, ухая всё громче и громче, не обращая внимания на то, что её голова безжизненно болтается.

Бинокль выпал у меня из руки. Сергей молча забрал его и приложил к глазам.

– Ты видел эту парочку справа? Он в зеленой майке...

– Видел.

Меня ненадолго вырубило. Когда я очнулась, женщина лежала на мостовой, белея задом из-под задранной юбки. А её убийца выходил из дверей магазина с батоном колбасы. Идущий навстречу парень попытался выхватить колбасу, получил сокрушительный удар в ухо, дал сдачи, и оба, вцепив-

шись друг другу в глотку, упали на мостовую. Рыжая девочка лет десяти подхватила колбасу и кинулась прочь, двое подростков побежали следом...

– Слушай, поехали отсюда. Я больше не могу.

– Не нравится – не смотри. Нужно понять, с кем мы имеем дело. Ещё десять минут – и поедem. Ты заметила? Они всё прямо в штаны валят.

– Не заметила. Мне и так хватило.

Справившись с дурнотой, я продолжала смотреть в окно, не в силах отвязаться от мысли, что сплю и вижу кошмарный сон.

Парень с разорванным ртом, бредущий куда-то с половиной батона в руке.

Старуха, перемазанная кровью и шоколадным кремом.

Подросток в чёрной майке с дикарским удивлением рассматривает яркие коралловые бусы на шее тоненькой девушки, пытается их сорвать – она визжит и раздирает ему лицо ногтями...

«Нива» дёрнулась вперёд, и я вцепилась одной рукой в сиденье, не выпуская из другой карабин. Несколько «семьдесят третьих» побежали вслед, но быстро отстали. Мы остановились в нескольких кварталах от набережной, посреди площади и устроили военный совет.

– Рассказывай, что увидела.

– А ты?

– А я потом.

– Ну, что... Никакой организации. Ни групп, ни пар. Каждый сам по себе. И тут же все против всех. Навыков нет. Заметил, что все пьют из реки? Хотя в магазинах полно воды и напитков. Ни у кого не видела открытой бутылки, банки, вскрытого пакета с чипсами. Хлеб, колбаса – то, что не упаковано и пахнет. Похоже, остались только инстинкты. Галдёж, как в обезьяннике... Связной речи нет. Некоторые вроде что-то талдычат, повторяют без смысла, как попугай. Один на улице повторял «опаздываем» – может, говорил с кем-то, когда это случилось?

– Случилось – что?

– Хрен его знает. Что-то.

– Всё? Ни у кого нет ничего в руках. Я ещё утром заметил: когда они одного такого же добивали толпой, ни у одного не было ни камня, ни палки. И вожаков нет. Стадо.

– Похоже, болевая чувствительность на нуле. Как эта бабка долбилась головой о стекло – бр-р-р...

– Бешеные они какие-то. С пол-оборота заводятся. Что случилось, как думаешь?

– Понятия не имею. Массовое отравление – чем? Вода? Какой-то газ? Нет таких заболеваний, чтобы здоровый человек проснулся идиотом. Самое главное: мы-то отчего в своём уме?

– Вот я и говорю: сдёргивать надо. Пока не прилетели и не разобрали нас на анализы. Значит, так. У тебя документы с собой?

– Нет, дома.

– Где – «дома»?

– В больнице.

– Ты там живёшь?

– Да, в подвале.

– Ладно, хоть не в морге.

– А там патологоанатом живёт.

– Ты что, серьёзно?

– Абсолютно. Переоборудовал один бокс и живёт.

– Ну и бардак у вас в больнице, однако. Ладно, сейчас заезжаем в пару магазинов по дороге, затариваемся, я тебя подбрасываю к больнице, еду домой, потом забираю тебя – и на объездную. Да, ты водишь?

– Вожу что?

– Машину, блин!

– Нет, – подавленно сказала я.

– Ладно, стреляешь, и то хлеб. Что ещё от бабы требовать... Выходи, прикрывай. Ардон, пошли.

Он впустил пса в открытую дверь магазинчика, помедлил несколько секунд и вошёл туда сам. Я топталась у машины с карабином наперевес, поглядывая по сторонам, пока он загружал в «Ниву» коробки с тушенкой и упаковки минеральной воды.

В булочную Сергей зашел только после того, как Ардон прочесал торговый зал и подсобку.

– Пошли сюда.

Я вошла вслед за ним в ювелирный магазин и слова сказать не успела, как он разбил моей монтировкой – значит, и её прихватил? – несколько витрин с золотыми украшениями.

– Ты что, рехнулся? Что ты делаешь?

Он одним гибким кошачьим движением повернулся ко мне, и на лбу у меня выступил холодный пот. Я уже видела это лицо – маску ярости с неистовыми бледными глазами... Вчерашняя сцена на базаре, Стасик размазывающий кровь и слезы по своему лицу пожилого ребенка...

– Ты со мной так не разговаривай, поняла? – сказал он медленно, с присвистом дыша сквозь зубы. – У меня после контузии нервы ни к черту. Повторяю ещё раз, для тех, кто в танке: распоряжаюсь я. Ты делаешь, что сказано. А нет – чапай пешком в свою Хомутовку.

– Командовать своим псом будешь. Хочешь иметь на своей стороне ещё один ствол – держись в рамках. Тебе нужен лишний стрелок, мне – колеса, так что давай будем взаимно вежливы, договорились? Я была неправа, слишком резко высказалась. Нам лучше прорываться вместе, чем порознь, согласен?

– Ну.

– Так вот, во-первых, здесь явно есть камеры. Во-вторых, зачем нам сейчас побрякушки?

– Ещё раз, для сильно умных. По пунктам: камеры я отключил: этот магазин тоже наша фирма охраняет, и я здесь бывал. Кстати, и там, в «Сафари», тоже отключил – как толь-

ко понял, что жареным пахнет. А золото – если эта заварушка затянется, то цениться будут консервы, оружие, патроны – и золото.

– А ещё бензин и лекарства.

– Правильно. Подумай, что взять в больнице. А пока держи.

Он вынул из разбитой витрины несколько планшетов с золотыми цепочками и сунул их мне.

– На, выбери десяток подлиннее и потолще и надевай. Только этикетки оторви.

– А ты?

– И я тоже. Бери еще золотые часы с браслетом, кольца, серьги – бриллианты вон на том прилавке.

– У меня уши не проколоты.

– Ну и зря. А так бы вынула серьгу, отдала солдатику на блок-посту – все довольны, и пацан не спалится.

Я механически застегивала на шее золотые цепи, думая, что никогда не имела столько украшений – и никогда они не приносили так мало радости.

– Под одежду спрятала? Всё, пошли!

Сергей высадил меня у шлагбаума, перекрывавшего въезд в больничный двор, и «Нива» исчезла за углом.

Я побрела к двери в подвал по раскаленному асфальту, в который раз чувствуя иррациональность происходящего. Что за дешевый боевик. Обвешанная золотом, как новогодняя елка, «Сайга» наизготовку, с досланным в ствол патро-

ном, палец на спусковом крючке – неужели это я? Труп, облепленный мухами, и золотые часы на моей руке, сжимающей карабин – бред, бред, бред... Может быть, я сплю? Но от черно-красной лужи на асфальте тянуло таким знакомым по кафедре судебной медицины сладковатым смрадом, что стало ясно: это не сон и не кино, на набережной по-прежнему жрут, дерутся и убивают – походя, невзначай.

В городе, кажется, не осталось нормальных, вменяемых людей. А что происходит за его пределами? Что с Димкой?

Я несколько раз подряд набрала его номер, потом номер Натальи Николаевны. Никто не ответил, и стало ещё страшнее. Но сквозь страх, как росток сквозь асфальт, пробивалось ясное осознание: жив Димка или мёртв, но я его найду. И ничто меня не остановит, кроме смерти.

Железная дверь подвала отгородила меня от безумия этого дня, и на миг показалось, что всё по-прежнему – как неделю или месяц назад. Я потрясла головой, избавляясь от опасной иллюзии, и принялась собираться. В первую очередь документы. Паспорт в карман джинсовой рубашки, застегнуть клапан, проверить, что пуговица пришита крепко. Диплом и врачебную печать – во внутренний карман сумки. Я вывернула на стол кошелёк и выбрала купюры из груды мелочи. Там же оказалась бумажка – то, что нагадал мне Повелитель птиц, так и не собралась прочесть предсказание. И его в карман вместе с деньгами – память о том мире, который ушел, наверно, навсегда. Даже если всё будет по-прежнему, я-то

прежней уже не буду.

Я вдела в шлевки джинсов старый Андреев ремень. Единственная его вещь, которая у меня осталась, обычный офицерский ремень из неизносимой сыромятной кожи, подписанный с внутренней стороны синей шариковой ручкой.

– А что здесь написано – «Змей»?

– Их всегда помечают, чтоб не путать. А это моя кличка, ещё с училища, с первого курса. И ремень ещё с училища.

– Змей-то почему?

– Из-за фамилии.

– А я её так и не знаю.

– Простая у меня фамилия – Кобрин. Это деревня такая под Питером, недалеко от Гатчины – Кобрино. Вроде предки оттуда были. В училище сначала, конечно, Коброй звали, пока я кое-кому рыло не начистил. А потом на рукопашке просекли, что из захватов всегда ухажу и растяжка хорошая. Вот и прилепили. Змей так Змей. Так и осталось.

– Чем же тебя кобра не устроила?

– Да ну, в женском роде... Был бы ещё лётчиком – ладно, Покрышкин вон на «Кобре» летал. И Речкалов – тот пятьдесят немцев на «Кобре» завалил.

– О нём я и не слышала.

– Ну да, мы же ленивы и нелюбопытны...

– Я исправлюсь. А другой ремень у тебя есть?

– Конечно.

– Тогда оставь этот здесь. Вернешься – заберешь.

Воспоминание оказалось таким живым и болезненным, что я застонала сквозь зубы. И, словно затем, чтобы наказать себя за слабость, затянула ремень так, что стало трудно дышать. Еще раз обругала себя и ослабила ремень – так, чтобы стало удобно. Ветровку, белье, джинсы, пуловер, несколько футболок – что ещё?

Свистульку. Керамическую птичку, память о счастливом времени, когда жизнь осыпала меня своими дарами, возвращая недополученное в детстве и одинокой молодости. Радость, от которой, кажется, вот-вот взлетишь в вечернее небо под звонкий переливчатый свист... Птичка умещается в кулаке, она и не весит- то ничего, и места не займёт, уверяла я кого- то про себя, заворачивая игрушку в носовой платок и пристраивая её в карман сумки рядом с дипломом и печатью.

Дура. Сентиментальная дура.

Я застегнула карман на «молнию». Пусть дура, но свистулька поедет со мной – в неизвестность и дальше.

Картинки этого безумного дня, казалось, отпечатались у меня на сетчатке, и, бросая вещи в спортивную сумку, я видела их вновь и вновь. Лицо «семьдесят третьего» – маска, на которой не осталось ничего человеческого. Толпа на набережной: живые и мертвые попеременно. Йеху. Биомасса. Что же всё-таки случилось?

Я вскинула сумку на плечо, подхватила карабин и пошла

к выходу, не оглянувшись. Заперла за собой дверь в подвал, кинула связку ключей в наружный карман сумки и застегнула молнию.

Чтобы миновать труп у окна, пришлось задержать дыхание. По такой жаре набережная скоро превратится в клоаку – еще один повод уносить ноги как можно быстрее. «Семьдесят третьи» явно не могут далеко уйти от воды, ведь они не в силах открыть бутылку или водопроводный кран.

Раскаленный воздух прорезал такой истошный вопль, что я уронила сумку. По двору бежал человек, и было видно, что бежит он из последних сил. А за ним мчался «семьдесят третий», и расстояние между ними сокращалось с каждой секундой.

– Стой! – закричала я и не узнала своего голоса. – Ложись, стреляю!

Человек резко свернул в сторону и упал ничком. Всё остальное мои руки сделали сами. Пуля ударила «семьдесят третьего» в середину груди, отбросила его назад. Когда он упал и забился на асфальте, я не сразу поняла, что произошло. Просто стреляла по движущейся мишени. А человек между тем уже поднялся на ноги и шел ко мне, оглядываясь на лежащее тело.

Это оказался Илья, мой сосед по подвалу. Узнала я его не сразу, так изменилось и осунулось его красивое лицо. Выглядел он лет на десять старше, чем вчера. Интересно, а как выгляжу я? В зеркало так и не посмотрела...

– Ты что-нибудь знаешь? – спросил он сорванным голосом.

– Знаю. Дёргать надо. Сейчас должна подойти машина – может, и тебя захватит.

– Что за машина? Куда ехать?

– Долго объяснять. Давай в подвал за документами, потом пойдем, затаримся лекарствами и спиртом. Я думаю, надо брать антибиотики помощнее, спирт, стерильные бинты. Шприцы, перчатки. Морфий, пантопон, транки какие-нибудь – реланиум должен быть, коробки три.

– Ты что, наркотики же в сейфе. И вообще, зачем это всё – мини- операционную разворачивать?

– Нет, скорее перевязочную, если эти до кого-то из нас доберутся. Ты видел, что они творят?

Его глаза погасли.

– Видел.

Илья не успел дойти до подвала: у шлагбаума остановилась «Нива». Из неё выпрыгнул Ардон, и шерсть на его загривке стояла дыбом. А у Сергея шея была замотана вафельным полотенцем веселенькой расцветки, и сквозь напечатанные на ткани подсолнухи проступали алые пятна.

– Что случилось?

– Сосед чуть не загрыз. Открыл дверь подъезда, а он за ней стоял – видно, открыть не мог. Ну, и кинулся. Ардон, умница, хорошо сработал. Но я- то дурак! Как не сообразил, что эти, ...банутые, из подъезда выйти не могут!

Я представила, что по всему городу одуревшие от жары и жажды люди бьются о железные двери, как мухи о стекло, и мне стало нехорошо.

– Пойдем, обработаю, – вмешался Илья.

– Ты что, тоже врач?

– Травматолог. Пошли, здесь перевязочная на втором этаже. Потом сразу лекарств наберем.

– Пошли. Ардон, к ноге!

Все трое исчезли за дверью, ведущей на лестницу. А у меня наступила реакция – затрясло так, что карабин едва не выпал из рук. Сотрясаясь от крупной дрожи, чуть не лязгая зубами от подступающего изнутри холода, я зачем-то подошла к убитому и стала его разглядывать. Остановившиеся карие глаза. Зубы оскалены – от ярости или от боли? Я убила человека, тупо повторяла я про себя. Я убила человека. Нет, я убила существо, которое было человеком ещё вчера – и осталось бы им на долгие годы, десятилетия, если бы не... Если бы не —что? Что превратило молодого парня в зверя? Зверя я и убила, спасая человека. Но от этого не легче.

«Что-то страшное грядет» – было написано на обложке старой книги. Вот оно, пришло и смотрит на меня остановившимися глазами покойника. Оно там, на улицах: жрет, гадит и совокупляется. Неужели в Хомутовке то же самое? Что с Димкой и Натальей Николаевной? Мать Андрея и его сын – я в ответе перед Андреем за них обоих.

– Поехали, со своими познакомлю, – сказал Андрей давным-давно, в прошлой жизни.

– А они в курсе? Ну, знают о моём существовании?

– Мать – да. А Димке скажем.

– И что твоя мать думает по этому поводу?

– Она знает, что решения я принимаю сам.

– Когда едем?

– Автобус через два часа.

Мы шли по солнечной улице, Андрей здоровался с редкими похожими, а во мне нарастало беспокойство. Как-то меня примут?

– Ты что нервничаешь?

– А как ты заметил?

– Сложно объяснить. Почувствовал. И дышишь ты не так, как обычно.

– Ну, ты даёшь...

– Всё, пришли.

Андрей открыл калитку и пропустил меня вперед.

Во дворе никого, только серый кот развалился на солнце, да воробьи орут в кроне старой вишни.

– Ох, надо матери собаку завести... Хотя здесь не воруют, но мало ли что. Ты подожди здесь, я посмотрю, есть кто дома или нет.

Андрей исчез в доме, а я осталась стоять на солнце, и тут меня окликнули:

– Вы кто?

Мальчишка лет восьми, перемазанный тутовником, в одних джинсовых шортах. Расцарапанный нос, веснушки, серо-зеленые глаза Андрея. Вот и познакомились...

– Здравствуй. Я тетя Вера.

– Здравствуйте. А что вы тут делаете?

– Жду хозяев. А ты здесь живешь, да?

– Ну да.

– А в ножички играть умеешь?

– Это как?

Я извлекла из кармана джинсов перочинный ножик.

К тому времени, когда Андрей вышел из дома, мы почти доиграли партию. Димка оказался хорошим учеником, и игра шла с переменным успехом.

– Тетя Вера, вы только не поддавайтесь!

– Я и не поддаюсь!

– Димка-а-а!

Андрей стоял у крылечка, и Димка тут же повис у него на шее. Так, втроем, мы и зашли в дом.

Подтянутая, с четкой учительской речью, Наталья Николаевна держалась любезно, хотя принужденно и свысока. Пирожки были вкусные, чай хорошо заварен, вишневое варенье благоухало прошедшим летом, но Димка рвался на улицу – похвастаться своими успехами перед отцом. Вскоре мы играли в ножички втроем, под восторженные Димкины вопли, и счастье окружало нас почти ощутимым облаком.

– Ты что, ещё на покойников не насмотрелась?

Мужчины были нагружены: из больших пакетов торчали коробки с лекарствами и упаковки одноразовых шприцев. Илья выглядел ещё более постаревшим, и лицо у него было серое. Полотенце на шее у Сергея сменила аккуратная повязка. Ардон прошел к машине и улегся в её тени, часто дыша и вывалив язык.

– Я к себе за документами.

– Давай быстро, и так время протянули.

Когда Илья исчез за дверью подвала, я спросила:

– Что в отделении?

– Что и везде. Ходячие ушли – к воде, наверное. Неходячие... Этот... Илья, как увидел двух старух на соседних койках, так ему и поплохело. Нормальные, говорит, бабки были. А сейчас как сцепились, так и окоченели. Бля, что вообще делается? Андрюха, что меня покусал, нормальный мужик был, работяга, пиво пили вместе пару раз. А сейчас бросился из-за двери – и к горлу. Илья сказал, совсем немного до сонной артерии не достал: кожу порвал, мышцы сверху... А он толковый, Илья твой: промыл всё, обработал, скобки поставил. Антибиотик уколол. Говорит, спасибо, что он не бешеный был, Андрюха, а то пришлось бы другие уколы делать...

– Пошутил. Да, у Ильи руки на месте. Только он не мой, свой собственный.

– Да я так, к слову.

Илья подошел с сумкой в руках, и Сергей встретил его

вопросом:

– Водишь?

– Только легковушку.

– А нам «КрАЗ» и не надо. Стрелять умеешь?

– Нет.

– Ладно, где тут у вас гараж? «Рафики» есть?

– Конечно.

– Пойдем, выберем.

Ардон затрусил за ними, повинуюсь жесту хозяина.

Через полчаса мы выехали из города. За нашей «Нивой» Илья вёл «рафик», куда по дороге напихали ещё воды, хлеба, консервов, стопку одеял и несколько матрасцев.

– Спать вповалку на полу, – объяснил Сергей. – В машине будет безопасно.

– Машину перевернуть можно.

– Да, если возьмутся человек десять. Ты видела, чтобы двинутые хоть что-то делали вместе – ну, хоть вдвоём?

– Н-н-нет.

– В том-то и дело.

Сергей гнал «Ниву» под девяносто. В приоткрытое окно врвался тёплый ветер, трепал мне волосы, раздувал роскошную шерсть Ардона. Я разглядела утонувший в шерсти ошейник – самопальный ошейник из брезентового ремня от автомата. На ремень был надет полевой погон от «афганки» с двумя защитными звёздочками. Прапорщик.

– У тебя и пёс в чинах...

– Бабий глаз видючий... Мой это погон. Когда старшего получил, старые погоны ему отдал. Ребята ржали: ты, Серый, вроде уже министр обороны, звания присваиваешь. Цыц, говорю, забыли, чем ему обязаны? Напомнить? Был бы он человеком, давно бы уж спился, стольким его до гробовой доски водкой поить положено. Да он многих генералов умнее, правда, Ардоша?

Пёс покосился на хозяина и вновь уставился в ветровое стекло

– Ну, они и заткнулись. После мели хвостом: а можно ему колбасы дать? А почему он не берёт? Потому и не берёт, говорю, что умный. Сами эту дрянь лопайте, а его паёк дороже вашего стоит... Твою мать!

Машину так подбросило на ухабе, что я едва не откусила себе язык. Так мне и надо. Нечего сказать, поговорили – как мёду напильсь. Ей-богу, Ардон, наверное, более приятный собеседник.

Чем ближе мы подъезжали, тем больше нарастали тревога и страх. До сих пор моей целью было вырваться живой из сумасшедшего города и добраться к Димке. И только сейчас я задумалась: а что там, в деревне? Жив ли Димка? Или... или он тоже стал «семьдесят третьим»? И что тогда? Есть ли обратный путь от «человека прямоходящего» – иначе назвать галдящую у реки биомассу язык не поворачивался – к человеку разумному?

Что-то подсказывало: этого пути нет, как нет пути от новорожденного обратно к эмбриону.

– Сюда поворачиваем?

– Да, да...

За окном мелькнула бело-синяя табличка «Хомутовка». Сейчас старый мост через безымянную речку, потом еще полкилометра в горку – и появятся первые дома.

– Смотри, смотри!

Ардон заворчал, а я вцепилась зубами в свой кулак, чтобы не закричать от страха и отчаяния. На берегу речки толклась группа «семьдесят третьих», и кое-кто из них стал задирать головы на шум мотора – мы как раз проезжали по мосту.

– Что они всё пьют, никак не напьются?

– Это корову на водопой два раза в сутки пригоняют. А человеку по жаре надо пить понемногу, но часто, – сказала я, надеясь, что голос не дрожит.

– Дальше куда?

– В центр, я покажу. Первомайская, двенадцать. На другом конце деревни пруд, там вся домашняя птица полощется: утки, гуси. Наверно, и эти... тоже все там. Короче, к пруду не показываемся, целее будем. А здесь, наверно, те, кому сюда идти ближе...

– Как же они воду находят, по запаху, что ли?

– Похоже на то.

Деревенская улица выглядела почти как обычно. Только слишком много распахнутых ворот и калиток. Ветер гонял

яркий пластиковый пакет. Трупов не было видно.

«Семьдесят третий» попался навстречу за две улицы до Первомайской. Он ничем не отличался от тех, что остались в городе: так же брел неведомо куда, уставясь в пространство. Увидел машину, бросился за ней, метров через сто отстал и сел прямо посреди дороги.

– Дыхалки нет ни хрена. Курить надо меньше. И кроссы бегать.

Я промолчала. Сказать всё равно ничего бы не смогла, так сухо было в горле.

«Нива» затормозила у знакомого дома, скрытого за раскидистым тутовником. Я едва не выскочила на ходу...

– Сидеть! На выход только по команде! Ардон, ищи!

Оглушенная командным рыком, я могла только наблюдать, как из машины выскакивает Ардон и исчезает за воротами.

– А ты слушай: пока не скажу, ничего не делаешь, поняла? Зеленки много. Ардон прочешет, тогда пойдём. Илью твоего я предупредил, пока барахло грузили. Он из машины вообще не выходит. Понятно? Передвигаемся перебежками, страхуем друг друга. Если эти, ...банутые, появляются – стреляем в воздух. Если они агрессивные – стреляем на поражение, в передних. Усвоила?

– Да.

Через несколько минут, растянувшихся в часы, Ардон возник в калитке и потрусил к машине.

– Пошла вперед, я за тобой. Патрон дошли. Ардон, к ноге!

Повинуясь Сергею, как робот, я отстраненно подумала, что он правильно выбрал профессию. Мне ни разу не пришлось в голову не подчиниться. И дело не только в том, что холодный рассудок говорит: в подобной ситуации Сергей как рыба в воде, в отличие от меня. Его интонации отключали саму возможность неповиновения.

Маленькая веранда, заставленная комнатными цветами, выглядела как обычно. Но в доме все было вверх дном. И никого – ни живого, ни мертвого. Только фотографии Андрея в узких рамках под золото смотрели со стены на разгром. Вот он мальчишка с огромным полосатым мячом, вот выпускник в нелепом сейчас модном костюме, вот курсант в новеньком кителе. А вот последняя фотография – та, которая на памятнике. Ни на одной он не похож на себя – того, настоящего, которого я любила.

– Давай сюда!

Я пошла на зов и оказалась в кухне. На столе в луже чая лежали очки и открытая книга. Разбитая чашка валялась под столом. А рядом с опрокинутой табуреткой и сбитым в угол ковриком сидел Ардон – и сидел он у открытого люка в погреб.

– Ко мне!

Пес повиновался так же мгновенно, как и я. Шерсть у него на загривке стояла дыбом.

Откуда в руке у Сергея взялся фонарик? Он осветил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.